

№ 6 НОЯБРЬ 1989

Цена 1 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» МОСКОВСКОЙ ШТАБ КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА

ТАЙНА

КУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

Новую повесть Юлиана
СЕМЕНОВА читайте на
стр. 4—9

- Разоблачение межрегиональной наркомафии. ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН, начальник Уголовного розыска МВД СССР, сообщает — стр. 12
- Встреча в Неаполе. Беседа английского писателя ЯНА ФЛЕМИНГА с «крестным отцом» американской мафии ЛАКИ ЛУЧАНО — стр. 10
- Два года с бериевцами. Рассказ очевидца — стр. 16

Шварцвальд — удивительный уголок Федеративной Республики Германии: безбрежное море еловых лесов, горы, ущелья, деревушки, чистенькие, как дитя, вынутые из валуны, стеклянно-прозрачные ручьи, становящиеся весной и осенью ревущими потоками.

Таким я знал Шварцвальд, когда приезжал в гости к моему другу, покойному ныне академику Клаусу Менарту (Этого большого ученого у нас в «застойные» годы иначе как гестаповским шпионом не именовали, относились с традиционновизантийским подозрением, и, чтобы пробить ему визу, когда он решил написать книгу «Что читают русские», мне пришлось идти к Ю. В. Андропову.)

Однажды гуляя по лесной тропинке, я закурил и — в нашей привычной манере — бросил спичку под ноги. Менарт легко наклонился, спичку поднял и, пройдя несколько шагов бросил ее в урочку: только тогда я заметил, что урочки для мусора заботливо расставлены здесь через каждые двести—триста метров.

Несколько лет назад я услышал о трагедии Шварцвальда: поскольку чуть ли не каждая вторая семья в ФРГ имеет машину (или машины), вековые ели Шварцвальда стали хажуть от бензинового «перегара». Наука и промышленность прореагировали довольно оперативно: были выпущены специальные заглушки на выхлопные трубы, которые поглощают бензиновый чад. Дела в Шварцвальде пошли на поправку.

Отреагировать на надвигающуюся трагедию западным немцам было значительно легче, чем нам: не надо вымалывать средства в Минфине, согласовывать с Минавтопромом, нефтегазом, госценами и прочими монстрами. Просто напротив бизнесмены — патриоты своей страны — немедленно профинансировали проект спасения Шварцвальда (в ФРГ, такой мощной промышленной державе, города — то есть фабрики и заводы — занимают всего 18 процентов территории республики, все остальное — поля, леса, горные урочища).

Я не намерен идеализировать Запад только потому, что там в магазинах двадцать сортов колбасы и бутинки на любой вкус: у них своих проблем хватает, и они достаточно серьезны, и там об этом говорили и говорят гласно...

Но я о другом! О спичке, которую поднял Клаус Менарт...

Нас губила и губит гигантомания, «громаде планов» (цитирую Малковского, являясь его поклонником, об эмоционально-нигилистическом отречении от всего нашего послереволюционного прошлого, порою недостойном по тону, — в другой раз: истина — конкретна, анализ — абстрактен и внеэмоционален).

Доктор Фогельс — руководитель «Даймлера и Мессершмитта», одного из крупнейших концернов в Европе, — с горечью говорил мне: «В ваших гигантских элеваторах стоит столько зерна, сколько вы покупаете в США. Мы готовы дать вам — бесплатно — проекты наших элеваторов, сэкономите сотни миллионов долларов, мы заинтересованы в сильном Советском Союзе, со слабым партнером рискованно иметь дело: то же — с вашей широкозахватной комбайновой техникой: семьдесят

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Татьяна КОРЯГИНА, экономический обозреватель «Совершенно секретно»

КОМУ И КАК ОТДАВАТЬ ЗЕМЛЮ

«Землю — крестьянам», «Заводы — рабочим» — эти лозунги Октябрьской революции становятся сегодня лейтмотивом корешной ломки экономических отношений в стране. Отчуждение земли у крестьянства самым губительным образом сказывается на судьбе сельского хозяйства. Огосударствление крестьянского имущества и труда породило трудовую апатию, привело фактически к гибели земли. Огромный объем вступивших «вожаряемых» лесеней государственных производственных инвестиций огуляет бюджет, делает государственный карман пустым для различного рода социальных программ: повышения пенсий, улучшения систем образования и здравоохранения, жилищного строительства.

Топтание в течение 40 лет на месте в деле решения продовольственной проблемы ставит под удар всю экономическую реформу. Мировой опыт говорит о том, что сельское хозяйство является благодарной сферой экономического бума, если крестьянин — производитель продукции является реальным хозяином земли и результатов своего труда. Буквально за 2—3 года может быть совершен рывок в насыщении рынка продовольствием. И барьером для такого рывка в нашей стране остается политика. Отсутствие сильной политической воли к укреплению единоличных кре-

стьянских хозяйств парализует реформу, ставит под сомнение намерения партии и правительства о долгосрочном институтировании собственника на земле. Мы теряем время, и с потерянными временем уходит надежда на то, что перестройка не провалится.

В этой связи острейшим и актуальнейшим вопросом стоит проблема владения землей как фактором производства. Что целесообразней: продавать землю крестьянам и всем желающим или сдавать в долгосрочную аренду? В проекте Закона СССР о земле выбран второй путь. Вся земля в стране остается общенародной собственностью (т. е. ничьей фактически) и предоставляется только в пользование.

Резон в этом, конечно, есть. Но резон временный, связанный с отсутствием на данном этапе широкой прослойки крестьян, которые захотели бы выкупить землю. Поэтому в начале земельной реформы продажа крупных участков земли, на наш взгляд, неоправдана. Но в перспективе, когда арендаторы-крестьяне окрепнут, надо будет пойти до логического конца в оформлении института собственника-крестьянина. Если мы хотим сделать наше сельское хозяйство действительно процветающим, земля должна стать собственностью с полным

правом ее распоряжения (продажи, наследования, сдачи в аренду и т. п.). Но уже сегодня надо начать продавать землю. Участки земли, занятые под личное подсобное хозяйство, в том числе под садоводческие цели. Именно этот шаг способен решить одновременно две крупнейшие для текущего момента задачи: а) резко повысить интерес не только сельчан, но и горожан к сельскохозяйственному труду; б) помочь отоварить «горячие» деньги у населения. По оценкам ученых из НИИЗ при Госплане СССР, только за годы тринадцатой пятилетки данная акция может принести бюджету около 40 миллиардов рублей дохода.

Десятки, если не больше, миллиардов рублей может дать широкая продажа населению строительных материалов, готовых садовых домиков, хозяйственного инвентаря. Живые (наличные) деньги населения таким образом пойдут не только на предметы личного потребления, но и на производственные инвестиции. За самые ближайшие годы умная и решительная аграрная политика по вопросу собственности решит многие внутренние проблемы: обеспечит население продовольствием, предотвратит одиночество нашей деревни, возродит трудолюбивое крестьянство, улучшит финансовое обращение, сократит небалансированность спроса и предложения.

Страх вернуться к реальной новой экономической политике, ленинскому изуму мертвой хваткой держит за горло страну. Но мы обязаны страхнуть оцененные, мужественно взглянуть правде в глаза, поклониться погребенной в природе и душе крестьянина и сделать все для того, чтобы вернуться на землю хлебопашцев.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЭКОЛОГИЯ?

процентов такого рода комбайнов стоят на ремонте, а запасных частей нет — куда выгодней меньший захват, тогда не страшен камушек на поле, который срывает крыло огромного захвата»

Так и с экологией: трезвомыслящая советская общественность смогла предотвратить поворот северных рек, сражается за Байкал, бьет в колокола тревоги о возможной гибели Днепра, борется за Черное море и Азов, где государственные безумцы вознаместились поставить атомную станцию.

Но кто у нас занимается такой важной, а бы сказал, изначальной проблемой, как спичка в лесу? Если бы только спичка! Яичная скорлупа, консервные банки (золотые, кстати, это ж металл, вторсырье, разбитые бутылки — тоже золото, тоже вторсырье. Западу нужен этот товар, а мы на него — зямбарго, пусть гниет, но чужим-eye отдадим), обрывки газет, молочные пакеты...

Кто повинен в этом? Конечно, проще простого обвинять в этом бездушных жасовов. На них можно свалить вину и за то, что все лифты исписаны матерной бранью, а наши туалеты на вокзалах и в гостиницах построены на торныйный лад — очко, сиди орлом, да и про лифчики никто не радеет (отчего, между прочим, мы стоим на одном из первых мест в мире по количеству больных гермером).

Культура быта и экология — понятия неразделимые.

А что мы делаем для того, чтобы поднять культуру быта? Организовали специальную телепрограмму «Экология и культура»? Поставили в лесах урочки? Установили там платные электроплиты, особенно на туристских маршрутах, как это, опять-таки, принято во всем цивилизованном мире? Исполкомы и строители сражаются за три дерева — можно ли их спилить при строительстве жилого дома, но кто думает о миллионах стволов, гниющих в тайге?! Кто думает о том, чтобы на туристских тропах установить противопожарные средства? Но ведь полагты, кирки и откатушители растащат, увят!

В Японии во время цветения вишни учителя выводят детей на урок красoty — они сосредоточенно любуются прекрасным. Вот оно, начало начал культуры, в том числе экологической.

Даже в литературе нашей мы не видим ничего особенного в том, что герои называют друг друга «Машка», «Ванька», «Петька». Но ведь это уникает достоинство Человека, не в одной закавказской, прибалтийской или среднеазиатской республике такое обращение немисливо, как и в Америке, Чехословакии или Франции. Грубость и хамство — оборотная сторона бескультурия. И канонизируя неуважительность к неповторимости любой Марии, любого Ивана или Петра, мы унижаем достоинство народа, давшего миру Пушкина, Швеченко, Толстого, Шостаковича... То, что было общепринято при крепостном праве, невозможно в эпоху Демократии. Не опускаться надобно планку, но поднимать ее на тот уровень, который разбудит в Гражданине необратимое чувство собственного уважения.

И — последнее. Я уже писал: «Наше — значит ничье». Чем скорее мы избавимся от презрительного смысла, вбитого безумными пролагодистами в понятие «собственность», тем скорее люди станут считать леса и земли поистине своими: на своем поле не гадят, в своем лесу не бьют об пень пивные бутылки. Чем скорее мы разрешим, например, советским гражданам поселять в своих квартирах, домах, избах иностранных туристов, тем аккуратнее мы станем в быту...

Песник, получающий семьдесят рублей в месяц, не ест хозяин леса, он просто низкооплачиваемый служащий. Работник санэпидемстанции не ест контролер экологии, он чиновник, едва сводящий концы с концами, ибо живет на грани нищеты.

Юлиан СЕМЕНОВ

ЖИТЬ В НАДЕЖДЕ И ВЕРЕ

А.М. Вопрос: каким будет новое законодательство о религии волнует сейчас многих. И не только миллионы верующих, но и всех кто озабочен судьбами перестройки и демократизации в нашей стране. Ведь ни для кого уже не секрет, что в области религиозной политики был допущен серьезный отход от принципов, принятых во всех цивилизованных государствах. Сегодня многие ясно сознают необходимость возврата к этим принципам.

В.М. Я бы дополнил речь идет не только о юридической но и нравственной проблеме. Видя несправедливые гонения на верующих, увеличение их законных интересов, окружающие, особенно молодежь, приходят к выводу о неспособности государства объективно относиться к своим гражданам. Разудалая атеистическая пропаганда, ажиотаж, нередко безграмотные книжники, оскорбительные для религиозных чувств верующих, изгаженные храмы, бесцеремонное вмешательство местных властей и уполномоченных Совета по делам религий, преследования священников и активных мирян — все это не смогло поколебать в нашем народе Веру, но привело к нравственной деградации и духовному убожеству.

А.М. Да. И один из узловых аспектов решения этой проблемы связан с религиозным воспитанием и образованием.

Речь, конечно, не идет о преподавании Закона Божия в государственных школах (по сколько согласно Конституции школа отделена от Церкви) и не о специализированных учебных заведениях, которые готовят слушателей для религиозных общин. Я имею в виду религиозное обучение основам Веры при Храме и в семье — то, что принято называть катехизацией. Она относится как к взрослым, так и к детям.

В.М. Стоит ли ограничивать катехизацию Храмом и семьей? Священники и без того перегружены своими обязанностями, и мне кажется, что если есть миряне, способные обучать основам религии, почему бы им не организовать что-нибудь вроде воскресных школ? Естественно, что таких мирян-катехизаторов надо специально готовить.

А.М. Между прочим, даже сталинское законодательство 1929 года о культах по букве своей теоретически не исключало возможности такого обучения. Не оно было лишено конкретности, что позволяло в течение полвека сводить катехизацию к нулю.

В.М. Лживость сталинских деклараций проявлялась не только в этом.

А.М. Забота о религиозном образовании и воспитании детей представлялась родителям. Но это было обманом. Любое образование — будь то светское или духовное — предполагает наличие учителей и учебных пособий. А чем могли воспользоваться верующие родители? Тем, что запомнили из кратких церковных проповедей? Крохмал от самозадата или тамиздата? Прежде чем учить детей родители сами должны разобраться в основах Веры. Священные книги всегда были де-

Среди прочих человеческих свобод одна из главнейших — свобода совести. В свое время Владимир Иванович Вернадский замечательно сказал: «Демократия — свобода мысли и свобода веры». О какой же демократии может идти речь, если на протяжении семидесяти лет в общественное сознание буквально вколачивали, что Церковь — носитель враждебной идеологии, а верующий — человек третьего сорта.

С 1929 года в стране действует сталинское законодательство о религиозных культах, запрещающее то, что является нравственно обязательным для любого христианина. Но еще в 1922 году был расстрелян митрополит Петроградский Венедикт — один из многих тысяч, уничтоженных за веру, и сколько архиереев, священников и мирян гибло в концлагерях ГУЛАГА? Сколько выдающихся религиозных философов было изгнано из страны?

В 1961 году была принята до недавнего времени засекреченная «Инструкция по применению законодательства о культах». Она запрещала всякую благотворительную деятельность служителей церкви, их лечебную помощь, создание касс взаимопомощи, библиотек, читален, кружков; под запретом также находились и регистрация обществ неговястов, психидеятников, истинно православных христиан, адептовистов-реформистов... Сейчас эта инструкция отменена, но по-прежнему действует законодательство двадцати летней давности, абсолютно неприменимое в цивилизованном обществе. Для того чтобы восстановить попранные свободы, необходимо все в паре одо убедить и принять новый закон о свободе совести. Об этом — беседа протоиерея Александра МЕНЯ и врача-психиатра Вадима МОЛОДОГО.

фицитом, литературы практически не было. Если же за дело брались священники, это ставилось им в вину как нарушение закона. Всем известны процессы над литовскими ксендзами, которые вели уроки Закона Божия. От них требовали, чтобы они лишь задавали детям вопросы, но не сообщали им никакой информации. А где же было детям и родителям эту информацию почерпнуть? Православные священники, которые на свой страх и риск проводили катехизацию, сознавали, что действуют фактически нелегально, вопреки инструкциям, но жестким инструкциям. Словом, создавалось ненормальное, напряженное положение.

В.М. Вы коснулись очень важного вопроса, вопроса о литературе. Сто рублей за Библию — наш национальный позор. В Праге я спросил в православной церкви, есть ли у них Новый Завет на русском языке и сколько он стоит. Старик священник недоуменно посмотрел на меня и сказал: «Слово Божие не имеет цены, возьмите, сколько Вам надо.» Утрата традиций, деградация религиозной, а следовательно, и нравственной культуры требуют принятия немедленных мер, и в первую очередь издания достаточным тиражом по минимальной цене Священного Писания, основных трудов Отцов Церкви, Жития Святых, катехизисов, толкований и прочей богословской литературы. Проблемы нашего гуманитарного образования чудовищны, большинство людей просто не могут понять смысла основных шедевров мировой живописи и литературы, провозгласивших христианскими ремес-

цествами. Стыдно, что Вашу шеститомную Историю Религий издают и переиздают в Бельгии, а не в России. Преодоление уродливой практики «борьбы с религиозным мракобесием» — одна из существенных сторон в правовом и социальном обновлении нашего общества.

А.М. Кстаги говоря, катехизация, или озвучение, т. е. «прояснение словом» — не новшество, не выдумка «переконных экстремистов». По крайней мере, в христианстве она является исконной, древней традицией. Сами библиейские книги Нового Завета были созданы в целях научения и просвещения. Так, св. Лука во вступлении к своему Евангелию говорит, что написал его, желая, чтобы читатель узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (1,4). Точно так же древнейший памятник послеапостольской эпохи «Дидахе» представлял собой род катехизиса. Со второго века возникли специальные катехизические церковные школы. Значительная часть творений Отцов Церкви — это запись их бесед с готовящимися к крещению, на которых присутствовали и многие уже крещенные.

В.М. А существовавшую со второго века в Александрии огласительную школу возглавляли не только такие знаменитые богословы, как Папент, Климент Александрийский и Ориген, но и интеллектуалы из мирян.

А.М. «Огласительная» традиция жила и развивалась на протяжении столетий. Она присуща и нехристианским религиям. В 1915 году на территории Российской империи существовало 35 566 церков-

ноприходских православных и 10 000 мусульманских и 10 000 иудейских училищ.

Нам могут возразить, что сегодня закон допускает в религиозных общинах только «отправление культа» и поэтому ни о каких школах при общинах не может быть и речи.

В.М. К чему привести такие, с позволения сказать, «закон», мы видим на каждом шагу.

А.М. Дело не только в качестве закона. Здесь мы имеем дело с несправедливым сужением самого понятия «культ». Этот латинский термин переводится как «почитание», и когда речь идет о религии, то «культ», естественно, включает и почитание заповедей Веры. Между тем и христианство, и ислам, будучи миссионерскими религиями, заповедают своим последователям открыто свидетельствовать о своей вере, возвещать ее миру. Если бы дело обстояло иначе, то Русь никогда бы не стала христианской, а народы Средней Азии никогда бы не услышали об исламе.

«Отправление культа» — сложное организационное целое. Оно создает непрерывную традицию не только в сфере богослужения, но и в передаче основ Веры от эпохи к эпохе. Нельзя думать, что «культ» останется полноценным, если верующие не смогут в нормальных условиях изучать и проповедовать принципы своей религии. Это в полной мере распространяется и на атеизм. Однако у атеистов нет причин сетовать на уменьшение их прав (впрочем, честный атеист должен почувствовать себя неправым, поскольку его идеологии даны исключительные привилегии).

В.М. В том числе привиле-

гии писать живо, безграмотно, злобно...

А.М. Мы, религиозные люди, верим в высший смысл бытия и в верховное Божественное Начало, — в бессмертие человеческого духа и в абсолютную ценность личности, в богоподобие человека и его нравственную ответственность перед Богом. Мы христианские; верим, что Истина открывается Мира в лице Иисуса Христа, Который жил на земле и пребывает в Своей Церкви, пусть порой и вопреки человеческому несовершенству ее членов. У атеистов другие взгляды, и, разумеется, они имеют на это юридическое право. Но мы все — граждане одного государства, члены одного общества, а следовательно, должны быть равны перед законом. И если атеистам предоставлены все средства обучения и массовой информации, мы, верующие, вправе ожидать, что и нам будет предоставлена свобода исследовать свои убеждения, свидетельствовать о них перед всеми, кто желает слушать, передавать их подрастающему поколению или членам своей семьи.

В.М. К этому стоит добавить, что религиозное просвещение имеет также общекультурную и гражданскую ценность. Национальное наследие народов нашей страны глубоко связано с религиозными корнями. Конфессиональные школы могут способствовать познанию отечественной истории и культуры, уважению к памятникам и традициям, укреплять дух милосердия, основ экологической и трудовой этики, повышению нравственного уровня общества в целом. Они создают противопоставление от преступности, суевений, шовинизма, разумеется, при условии, если верующие будут преподавателями в соответствии с их подлинными основами. Трагическое бессилие религиозных руководителей, обнаружившееся перед лицом национальных конфликтов, доказывает, насколько опасен упадок их влияния, их отрыв от общества. Практика показала, что именно отсутствие религиозного просвещения позволяет развиваться в среде верующих аутистизму, дезориентации, фанатизму. Шовинистические лозунги несовместимы с истинной Верой, ибо «нет ни Эллина, ни Иудея, ни Варвара, ни Скифа».

А.М. Именно поэтому узаконенная катехизация помогла бы верующим освободиться от комплекса изгойства, оздоровила бы их гражданское сознание как полноправных членов общества.

Дело же малым — определить конкретные формы религиозного просвещения. Взять его на себя должны, конечно, общины, служители религий. На вполне законных основаниях им надо предоставляется возможность вести катехизические занятия при храмах, молитвенных домах или мечетях. Ко-где подобно рода опыты уже начаты (см.: Московский Церковный Вестник. М., 1989. № 2. С. 8). Они лишь нуждаются в недвусмысленной правовой санкции.

Вот чего мы ждем от нового законодательства.

В.М. Я бы только дополнил список потенциальных катехизаторов достойными мирянами. Все-таки этой традиции семнадцать веков.

ТАЙНА КУТУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

Когда главы повести шли в набор, я встретилась в Нью-Йорке с гражданкой США Викторией, дочерью замечательной русской актрисы Зои Федоровой, убитой в 1981 году.

Лидители кинематографа помнят роли, сыгранные ими: «Подруги» Зои Федоровой и «Двое» Виктории вошли в ашламы искусства навсегда — как документы эпохи.

— Мама была у меня в гостях несколько раз, — рассказала Виктория. — Однако, когда я пригласила ее в восьмидесятом, вскоре после того как здесь выпустили мою книгу «Дочь адмирала» — отец умер в звании адмирала флота США, — маме отказывали в выдаче паспорта. Я обратилась за помощью к тому сенатору, за которого голосовала, — Брэдли. После совещания в его штабе мне ответили: «Если бы мама просилась в эмиграцию, сюда, к вам, для воссоединения семьи, мы бы могли оказать какую-то помощь. В ином случае бразильская администрация нам откажет: «Давать или не давать выездной паспорт для поездки в гости — наше внутреннее дело...» Я позвонила маме и рассказала ей об этой беседе.

— Меня скоро убьют, — сказала она, и это было не первый ужас раз, когда мы переживались. — Ладно, в среду пойду на прием...

Она позвонила в среду вечером: «Я им сказала, что если меня, русскую до последней капельки, патриота России, не выпустят в гости к дочери в школу, я подам на эмиграцию...»

В пятницу ее убили... Мосфильм откатал в том, чтобы выдать зал для гражданки пашхиды. А мне не дали визу, чтобы приехать на ее похороны: «Кто такая Зоя Федорова? У нас нет на нее никакой информации...» Тогда я положила мой советский паспорт в конверт и отправила его в Посольство СССР.

Вместо предисловия

Сталин побоялся открытым, с ямочками на щеках улыбочным лицом Зои Федоровой, вручая ей очередную Сталинскую премию, заметил: — Это вас не Сталин награждает, а народ благодарит товарищ Федорова.

Зоя не смогла сдержать слез счастья: — Спасибо дорогой Иосиф Виссарионович. Как говорят военные «Служу Советскому Союзу!»

— Нет уж, пожалуйста, оставьте замечательной русской актрисой. Военными становятся художниками рождаются. Как у вас дела? С жильем все нормально?

— Если б даже было плохо, я бы все равно не сказала Иосиф Виссарионович. Без квартиры жить можно без вас — нет.

— Я и не бессмертен, — с болью, тихо заметил Сталин. — Прилетел в без меня пожить... Прокляты есть такие! Говорите честно, мне и радость помочь вам.

Федорова на какое-то мгновение замерла, открылась внезапно — от шен — бледностью:

— Иосиф Виссарионович, у меня репрессирован отец... Он ваш солдат, его оклеветали... Он ни в чем не повинен...

На мгновение лицо Сталина закамелено; как-то заново, словно бы оценивающее обсмотрев Зою, чуть усмехнувшись, ответил:

— Вот мы вам и подарим машину — неудобно отца домой везти на трамвае... Зайдите к товарищу Берия, а потом позвоните Поскребышеву, он вас соединит со мной... А Лаврентия Павловича я предупрежу...

Из материалов дела: В период между приблизительно тринадцатую и пятою часами одиннадцатого декабря 1981 года в доме номер 4/2, квартира 243 по Кутузовскому проспекту была убита Федорова Зоя Алексеевна, семидесяти двух лет, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственных (Сталинских) премий.

Смерть Федоровой З. А. наступила в тот момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из пистолета «Зауэр» калибра 7,65 (пистолет системы «Зауэр» продается в США, Аргентине (гор. Игуасу) и Бразилии).

В квартире обнаружены отпечатки пальцев неизвестных на посуде и граненом — венецианского стекла — стакане. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопии.

Из протокола осмотра квартиры жертвы, проведенного следователем прокуратуры Сазоновым, прокурором-криминалистом Герасимовым, экспертами НТО Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Антроповым и Гритьевым в присутствии понятых Александровой и Кондрашкиной, явствует, что обстановку в комнатах не нарушена. Дверные замки шкафов целы. Следов взлома нет. Обнаружено 2400 рублей, кольца — с камнями и без камней, — браслет, подвеска, кулон, запонки и запонки желтого цвета. Следы насилия в комнатах не просматриваются.

Дверь взломана не была. По данным экспертизы, квартира чужим ключом, сделанным со слепка, не отпиралась, из чего можно сделать предположение, что убийцей был человек, хорошо знакомый Федоровой, который и находился в квартире жертвы.

Из справки: «Федорова Зоя Алексеевна, привлекалась по ст. 58, пп. 10 и 11 и по решению ОСО МГБ СССР была приговорена к двадцати пяти годам тюремного заключения. В 1956 году полностью реабилитирована».

«Советское государство понесло тяжелую утрату 19 января 1982 г. на 65-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун».

Более четырех десятилетий жизнь и деятельность С. К. Цвигуна были неразрывно связаны с работой по обеспечению государственной безопасности нашей Родины. Этому ответственному делу он отдавал все свои силы, опыт и знания...

Светлая память о Семене Кузьмиче Цвигуне;

верном сыне партии, государственном деятеле, навсегда сохранится в сердцах советских чекистов, всех советских людей...»

«Фрагм Пресс»: «В московских кругах упорно говорят о том, что родственник Брежнева и его крестур в КГБ Семен Цвигун не умер, а покончил жизнь самоубийством в правительственном загородном санатории».

«Рейтер»: «Осведомленные московские круги утверждают, что гибель Цвигуна связывается с именем певца Бориса Буяны, вхожего в дом Брежнева. При этом подчеркивается, что Цвигун был многолетним сотрудником и близким другом Брежнева: тем более странно, что подпись Брежнева под скролом отсутствует...»

«25 января 1982 г. на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслев. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения. Вся его жизнь, все его силы и знания, весь его талант были отданы партии и народу...»

На всех постах, которые ему доверяли Коммунистическая партия и народ, Михаил Андреевич Суслев проявил себя выдающимся организатором, неистощимым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, он многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивал ее чистоту. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей...

Михаила Андреевича Суслева отличали большевикская принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе...»

Из медицинского заключения о болезни и причине смерти Суслева Михаила Андреевича:

«М. А. Суслев, 79 лет, длительное время страдал общим атеросклерозом с преимущественным поражением сосудов сердца и мозга, развившимся на фоне сахарного диабета. В 1976 году перенес инфаркт миокарда. 21 января 1982 года возникло острое нарушение кровообращения в сосудах ствола мозга с глубокой потерей сознания, нарушением дыхания и некоторых других жизненно важных функций организма...»

«Спецгруппу Угро. МВД СССР, созданную по делу об убийстве Федоровой З. А., периферизировать, оставив трех сотрудников для допросов знакомых актрис».

Полковников Павлова В. Я., Савицкого У. Р., Костенко В. Р. вернуть в их подразделения. 27 января 1982 г. Н. Шелоков»

Савицкого перевели в Ригу заместителем СКБ по режиму с прибавкой зарплаты на девяносто рублей; запис; вскорости умер от цирроза печени.

Павлова отправили в Узбекистан с повышением.

С января до мая восьмидесят второго года

ков. — Простите, если что не так. Просто Ястреб мне сказал, что вы в этой библиотеке работаете, ну я и пошел...

Ястреб торговал в kiosке «Союзпечать», снабжал Костенко «Московскими новостями», сажал его Костенко дважды: домашние кражи, брань квартиры, номенклатура, называл себя «Робин Гудом. Народным мстителем»; воровать начал с годовухи — отца расстреляли по «ленинградскому делу», мать спилась. Костенко дважды выходил его на суд, начиная на смягчающие обстоятельства — не помогло; вернулся из лагеря с туберкулезом, пришел домой к Костенко, тот помог ему прописаться — воры денег не забывают. Завязал, получил кносок, сейчас живет кум королю.

— Что у вас? — спросил Костенко. — Говорите здесь.

— У меня тайп нет... Не согласился бы пойти к нам работать? Помочь в борьбе с ругеями, очень трудно жить, товарищ Костенко.

— Частный сыск хотите создать?

— Что-то в этом роде... Я не смею унижать вас разговором об оплате, но, как понимаете, денег мы не получаем.

— Оставьте телефон, — сказал Костенко.

— Это несерьезно... Ваше министерство против частного сыска, зачем мне светиться, и так жалею, как министр...

— Тогда до свидания...

— Честно говоря, — кивнул Хренков и пошел к «Воле», что стояла nearby.

Когда он сел за руль и резко (слишком резко) встал с места, чтобы набрать скорость, проезжая мимо остановки, Костенко вгляделся в окно машины — лицо человека в темных очках, что сидит на втором сиденье, показалось ему знакомым, и не просто знакомым, а очень его в свое время интересовавшим. Машинально вгляделся помер «Воле», запомнил, на завтра заехал в ГАИ — машина принадлежала летчику международных линий Аэрофлота Полякову; в парижском аэропорту он зашел в Латинской Америке, доверившись писателю, не оставив. Ребята из Угро все проверили: «Волга» Полякова стояла записанная на втором этаже кооперативного гаража возле памятника Гагарину. Вечером Костенко зашел в министерство:

— Слушайте, мужики, как бы мне посмотреть дело об убийстве Зои Федоровой?

— Он просидел с папками до одиннадцати, надо бы Машуе позвонить: впрочем, она привыкла, что он порою исчезал на неделю... работа. Набрал номер: «Машень, я зашел к себе, в министерство... Хм... «К себе»? К ним, так точнее, скоро буду, как ты?» — и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

— Слушайте-ка, — спросил он дежурного по управлению, — я помню, была папка с фотографией свидетелей, где она?

— Осталась на Петровке, — ответил дежурный.

Раньше б сразу же туда рванул, подумал Костенко: годы, а может, опущение отлученности от дела; любительство предлагает нетерпимость и право на свободу во времени, только действующий профессионал, — физически, до боли в затылке, — опущает фактор времени, некая вмонтированность в твое существо внутренних секундомеров...

На Петровку Костенко приехал утром, в девять. Сначала сделал «робот» того, кто подходил к нему. — Хренкова. Папку искали долго, дело не раскрыто, и в исло, сбегали в архив. Как ни странно, Щелоков и Цвигун были в высшей мере корректны, не пнали, как обычно; порою Костенко казалось, что все они хотели спуснуть дело на тормозах, хотя не только Москва гудела, но и Запад тоже.

Папку нашли только к одиннадцати. Костенко медленно пролистал страницы, остановился на семьдесят третьей: «Иосиф Пантелеймонович Давыдов, театральный администратор, проживает в Москве, на улице Красных строителей, дом семь, квартира девять, не судим, образование среднее».

Справка на него пришла довольно быстро, к двум: «Давыдов Иосиф Пантелеймонович, выехал из СССР по израильской визе в Вегу 29 января 1982 года».

Вторая справка пришла из ОБВИР к пяти: «Джозеф Дэвид, гражданин США, вылетел сегодня утром, рейсом Москва — Нью-Йорк самолетом «Пан Америкэн», экономическим классом, приехал по туристскому ваучеру, неделю жил в Москве, отель «Националь», три дня в Янте, отель «Оранда».

Вечером установили всех Хренковых. В кооперативе «Заря» Хренков ни в штате, ни на

договоре не числится. По приметам ни один из семсот сорока трех людей с такой фамилией не мог быть случайным собеседником Костенко, ибо никто из установленных Хренковых не имел маленького, едва заметного шрама на левой брови. Костенко усмехнулся: «Я, как могильщик Литфонда; Митя Степанов рассказывал, был у них старик, который приходил к больному писателю, болтал с ним о новостях, если тот был в сознании, сулил счастливую жизнь, а сам тем временем промерял мизинцем и большим пальцем рост несчастного — какой длины заказывать гроб... Нормальные люди ищут в лице собеседника что-то новое для себя, запоминают глаза, манеру улыбаться, а я, словно летавая, цепляюсь за то, что может впоследствии оказаться следом. Наверное, я пропустил множество интереснейших людей, потому что для меня родника какая или прыщ важнее глаз, слез, глянущихся пальцев, смертельной бледности...»

— Дело гудое, полковник, — заметил заместитель начальника столичного Угро, — что это тебя потянуло? Или соскучился по работе?

— Хочу маленько поковыряться...

— Ниши рапорт.

— А без рапорта нельзя?

— Ты что, пелка? Забыл законы?

Костенко усмехнулся:

— Законы помню, бардак забыл.

Заявление тем не менее написал и отправился к Ястребу.

Миншля Ястреб сделал свой кносок совершенно особым: весь в портретах писателей — Шекспир, Шукшин, Хемингуэй, Толстой, Пушкин, Лермонтов, звезда кино и эстрады — Высоцкий, Пушачева, Видли Токарев, Бабкина, Эллис Пресин, Битла, Тихонов и Броневой; где-то достал мегафон, которым пользуются экскурсоводы, гонимые туристы по Москве (бедолаг-прошпиныли в магазины поровят, колбасы ухватят, а их свиком в Пушкинский музей годов римлян сморгнет; сами раздеты, пиджачки бляе и зимае вьют), поэтому кносок Мишля сделался своего рода культурным островком в микрораоне.

— Кто не купит академический журнал «Вопросы экономики», — вещал Мишля своим хриплым голосом, — рискует остаться в неведении, отчего мы катимся в пропасть!

Старик в фетровой шляпе (отчего наши старики ходят в галочках, спортивных брюках, но обязательно при галстуче, в черном пиджаке и коричневой шляпе?) усмехнулся:

— Терпеливые, дури, денги и трусы — оттого и катимся.

В очередь, однако, встал.

— Неужели вы упустите возможность приобрести справочник железных дорог? — продолжал между тем Ястреб. — Да, он прошлогодний! Но что сейчас так ценится, как старая книга?! Через пять лет она станет уникальной и ее у вас купит в любом букинистическом за десятку!

— А на хрена эти справочники? — снова пробурчал старик. — Езжай на вокзал, становись в очередь и прей сутки. В России справочникам верить нельзя, мы — непредказуемые...

Торговля шла бойко. Увидев, что очередь разрастается (один стоит, а к нему трое подлагают, мол, мы раньше свой черед занимаем), Костенко понял, что минут двадцать он потерпит, а времени в обрез (Военная прокуратура дала справку, что генерал Трехов, тот, что реабилитировал Зою Федорову, живет в Переславле-Залесском, туда пить и не пить), обошел кносок, постучал в дверь и сказал:

— Ястреб, это я.

Тот приоткрыл дверь.

— А, полковничек! С кандалами пришел? Поменял фирму? ОБХСС? Погоди, я мигом всех раскидаю, заходи, гостем будешь...

И внутри кносок у него был, как маленький теремок: занавесочки, столик с тремя резными табуреточками, косяка, покрытая ковром, электроплита, турочки из Сухуми — чеканные, ручной работы, то ли медь, то ли латунь; под прилавком — ротопринтные издания, книги, которые на черном рынке стоят сотню, не менее.

— Уважаемые покупатели, принищу глубочайшее извинение, — возгласил Мишля, — пришел фронтальной друг, я вынужден прервать работу на полчаса. Рекомендую посетить кооперативное кафе «Сладость» — во дворе, третий подъезд, угостят насоящими «арабики», учтите цивилизации, кафе — место для любви, разговор и сделок!

Он захлопнул окошко и сел напротив

Костенко:

— Ты мне должен доказать, полковничек, что эти ротопринты я получил незаконно. У меня накладная есть. В БХСС подался?

— Да ладно, — Костенко махнул рукой, — если у вас государство не может торговлю наладить, так хоть ты их научи... Наши из Угро не тревожат?

— Русский человек за книгу душу отдаст, — ответил Ястреб, — так что с вашими орлами порядок, работаем в полном контакте... Я еще им обообещал вывесить плакат: «Разыскиваются особо опасные преступники», ручку жали, меня в простоте не возмемь...

— Я в отставке, Ястреб... Ни в каком я не в ОБХСС... К тебе пришел по другому делу...

— А разве в отставке дела бывают? Если ты, к примеру, отставной маршал — в дурака с адыогантом решился, генерал — клубнику разводишь, а полковник — совместительствует, на дести пятьдесят косых только святой ныне проживает...

— А если не совместительствую, а для души?

— Полинейский для души наручники надевает, ему это как циркачу гнелу одресировать...

— Тоже верно, — согласился Костенко. — Скажи-ка мне, Ястреб, ты Хренкова давно видел?

— Кого?

— Эмилия Валерьевича Хренкова...

— Не знаю такого. Откуда он?

— Из «Зари».

— Это которые инструментами торгуют? Комьютерами?

— Точно.

— Я оттуда Людку харил, секретаршу

иную...

— Старик, а греховодный. Нишего подобного. Тренирую простату. В нашем возрасте это необходимо... Кто-то рассказывал, как один наш знаменитый поэт к академику Фрумкин пошел, тот был главным урологом Красной Армии, про него еще Михаилко написал, что, мол, генерал из генералов, маршал моче-пол-каналов... Поэт его спрашивает: мол, сколько раз в неделю надо трахать? А Фрумкин ответил: чтобы трахаться — надо трахаться постоянно... Если запустишь — конен... Сломанную руку сколько месяцев человек после гипса разрабатывает? То-то и оно! А женлка, полковник, не рука! Без руки жить можно, а без женлки, да еще с простатой, как бульжик, — прямой путь в онкологно...

— Ну-ну, — вздохнул Костенко...

— Нужна девка? — спросил Ястреб. — Отставнику можно. Партицы не схарчат, песню не отымут...

— Жены боюсь, — ответил Костенко.

— Так тебя ж после молотухи на нее потянет! Спасибо еще скажет, полковничек... Ислам надо учить... Многоженство — верх разума. Хочу в мусульмане податься, тагари царод падежкий, ей богу... И звучит красиво «Михаил Рувимович Ястреб-заде». За одного этого «заде» мне десять «рувимов» простят...

— Ты бы не мог эту самую Людку про Хренкова спросить, а?

— Полковник, если я в лагерях за дополнительную найку не ссунился, то разве сейчас в сексты пойду?

Костенко закурил:

— Дай слово, что в тебе умрет, что я сейчас скажу.

— Даю слово.

— Помнишь артистку Зою Федорову?

— Это которую Щелоков укорганил?

— Кто это тебе сказал?

— Так Нагибин в «Огоньке» напечатал, неужели не читал?

— Читал... Писатель на все имеет право в книге, на то он и огменен искрой боежей... Так вот Хренков этот меня интересовал именно в связи с Зоей Федоровой...

— Не сходится, полковничек. Если ты в отставке, то при чем здесь несчастная Федорова?

— Надо уметь отдавать долги.

— Мне отдай... Мне эта власть задолжала, за всю мою растоптанную жизнь задолжала...

— Бабок у меня нет, Мишля. Чем возмемь?

— Хренков, Хренков, Хренков, — задумчиво повторил Ястреб. — Ну-ка, покажи ксиву Костенко протянул ему пенсионное удостоверение. Ястреб излучил его, вернул, заметив

— В ваших издочных типографиях и не такое можно напечатать...

— Кстат, о Щелокове... Хотя он мне генерала зарезал, а ведь обещал звезду дачу, но я

домно, как он на встрече с детективниками запялки им показывал золотые. «Это подарок великого советского музыканта Ростроповича, моего друга, он мне их дал перед тем, как его изгнали с Родины... А я их ношу, потому что придет время — он героем сюда вернется.» Так что прямолинейно и однозначно ни о ком судить нельзя, Ястреб, даже о Шелокове.

— Это он в застое этакое брякнул?
— Так он после застоя сразу и слетел... В защите своей власти официально заявил... И еще сказал, что дирижерскую палочку Ростроповича у себя на столе держит, как напоминание о российском бездумном расточительстве, когда сама собственные таланты давим. Мол, что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— Полагался, на него напрасную возвел?
— Ястреб, я полагаю только в том случае, когда имею улики... Ладно, если вспомнишь что о Хренкове, зайди, чайку попьем.

— Адрес не поменял?
— А кто легавым новые квартиры дает? Я же не передовик какой или министр... Ну, пока, Ястреб... Мне нравится, как ты дело развериул... Учишь государственных идиотов коммерции...

Костенко вышел из книжки, Ястреб тут же открыл окно, высунулся с мегафоном и моментально собрал очередь. Внезапно закричал: «Полковник, вернись!»

Сначала Костенко решил было не возвращаться — зачем открываешься, но потом сказал себе: «Ты отставник, ты никто... Кому ты нужен? Раскроешься, закроешься, все конечно, полковник, жизнь — мимо, конец...»

И — вернулся.

— Слушай, — сказал Ястреб, — в лагере со мной один бес сидел, мы его раскололи, его в пятьдесят седьмом взяли, полковником был, МГБ, курва... Мы его сквозь строй гоняли — у-у-у... После двадцатого съезда его окунали, ныгал, говорили, пятнадцать вмазали... Так мы ему ключку дали — Хрен; злой был, отмазывался по форме, за себя стоял умел...
— Хрен? От фамилии, что ли?

— От злобы. Знаешь, как говорят: злая горлица, злой хрен... Фамилия у него другая была...
— А иранки на левой брови был?
— Он весь у нас в иранках ходил...

Костенко достал из кармана фоторобот Хренкова, протянул Ястребу:

— Он?
— Он, курва, чтоб я свободы не видел, он! Ну, сука, а?! Жив, выходи!

— Он не просто жив, Ястреб... Он, сластся, в дене. Ко мне подошел, сославшись на тебя, иначе я б с ним и говорить не стал... Забыл все, что я тебе показал?

— А ты мне ничего и не показывал, полковник...

...В Переславль-Залесский Костенко приехал в подночь, потому что у автобуса полетел скат. Менять его — да еще под дождем — дело долгое, матерное, пассажиры пытались остановить машины — куда там.

Странные у нас люди, думал Костенко, глядя, как проносились мимо несчастных пассажиров, чуть не кидавшихся под колеса, «Волги», «Жигули», «рафики». Стоит поговорить с человеком часок-другой — откровенно тебе, душу распахнет, последним поделится, а вот помочь незнакомцам, проявить номинальную культурность — ни-ни. Почему в нас мирно уживается Бог с Дьяволом? Оттого, видно, история наша столь тригична: собирали Империя кровью, жестоко собирали, небрежением к людшкам, во всем превалировала Державность, а ведь происходит это понятие от «держать», то есть «не пускать», а всякое «непускание» по своей сути грубо и безжалостно, то есть бескультурно...

В какой еще стране так собачатся в очередях, на рынках, в трамваях, в какой, как ни у нас, доносы на соседей нишу?

Он никогда не мог забыть немецких военнопленных. В сорок шестом работали на Изпешевых — строили «аремслуху». Кирпичи возной — строили «аремслуху». Кирпичи друг другу передают, и каждый: «бите зер» — «данке шен», как только язык не отваливался за день?

В Переславле, ясное дело, мест в гостинице не было, их ни в одной гостинице страны никогда не бывает, если только не занесла предвзвирда не бывшая, если только не занесла предвзвирда тельной начальственной бронью или не сунул директору в лапу; решил подремать в кресле. Дежурная раскричалась: «Тут что, ноцлежес? Дежурная раскричалась: «Тут что, ноцлежес? Дежурная раскричалась: «Тут что, ноцлежес? Дежурная раскричалась: «Тут что, ноцлежес?»

А ну вали отсюда, у меня люди отдыхают! Он попросил разрешения позвонить в милицию,

женщина разошлась того пущее «Ты меня не пугай! Пугающая! Вали, говори! А то сама милицию вызову, пятнадцать суток врат сло-почешь»

— Где хоть милиция, объясните.
— Иди да ищи, я тебе в тиды не наинмалась.

— Сука, — сказал Костенко, — гадина...

— Товарищи! женщина завершала тонко, пронзительно — Бандит! На помощь!

Двери нооткрывались, выскочили постояльцы — кто в длинных сапюновых трусах, кто в кальсонах, только один выглянул в пижаме и тут же зверь захлопнул.

Костенко машинально просчитал, что дверей отворилось восемь, а номеров тринадцать. Дежурная рыдала в трубку: «Милиция? Коля, это ты? А ну, давай сюда паря! Бандитку забери, у меня свидетели, тони быстр».

Коля оказался крепким сержант, он с порога спросил дежурную:

— Где хулиган?

— Вои, та! Грозилась, матерно обзывалась.

Правда, мужичина? — спросила она постояльцев.

Те отвечали невразумительно, смотрели, однако, на происходящее с интересом.

Поехали, — сказал сержант Костенко — Там разберемся — Дежурной бросил: Составь заявление, и чтоб свидетели подписались.

— Вы спалача проверте мои документы, — попросил Костенко.

— В отделеии проверим.

— Проверим здесь, — сказал Костенко и протянул ему свою полковничью пенсионную книжку.

Коля долго изучал ее, потом сказал зрителиам:

— Расходитесь, граждане, театр здесь, что ли?!

— Нет, а в чем дело? — сказал тот, что вышел в кальсонах — Вы нам по гласному все объясните... Нас ото сна оторвали... За спиной у народа теперь нельзя, не разрешим...

— Молчи, «народ!» — отрезал сержант. — Как на рынке виноградное спекулировать, так понял, «индивидуал», у твой номерок давно зариметил, а если скандал, на «народ» киваешь...

Люди молча и быстро разошлись по номерам. Костенко предложил сержанту сесть рядом:

— Пусть гражданская дежурная возьмет ключи, и давай-ка посмотрим пять номеров — есть там постояльцы или нуствуют?

— Коля, он меня матерно обзывал и грозил глаз вырвать! — испуганно заплала администраторна.

Костенко спросил сержанта:

— По какой статье дамочка проходила?

Сержант понизил голос:

— Так вы с контрольной проверкой, что ли, товарищ полковник?

Услыхав последнее слово, дежурная заплакала еще пуще:

— Начальник, не губи, не губи, начальник, дам я тебе номер, но он же бронированный, без исполкома не могу я, затреп мне на эти номера, вдруг начальство наярится, их же селить надо, не губи...

— Агентов надо выбирать понадежнее, — сказал Костенко сержанту, — она ж взятки за номера берет. По новоншим временам вы ее не отмоете, придется сажать, как ты ей будешь в глаза смотреть? Да и сам под монастырь попадаешь... Смотри, парень...

— А я чего? — спросил сержант, потупив очи долу, — я ничего такого с ней не имею... А без присмотру гостиницу оставлять нельзя: скопление, мало ли чего может случиться...

...Утро было солнечным, небо — высокое, синь непроглядная, какое-то странное ощущение невесомой массы, ассоциировалось с веселенской тишиной, миром, бессмертием и безмятежным вечным покоем... Хотя вечный покой скорее приложим к кладбищу, если идти от «передвижников»... Все двостолкуемо, нет одной правды и никогда не будет. Приближение к правде — слагается множества мнений...

До того домика, в котором жил отставной генерал Трехов, можно добраться на автобусе, что ходил раз в два часа, или топать семь километров вдоль по берегу Пяшечьева озера — оно искрило мелкой зыбью, сентябрьский камыш казался бархатным, стайки чирков пролетали стремительно, как реактивные истребители: брать пример с Божьей твари и подвешивать — под копитю с нее — атомные бомбы... Эх люди, люди, порождение крокодильев... Жуки — прообраз танка, крот — сапер, воистину из ничего не будет ничего; просируем Божью тварь на мощь разрушения, агрызание в глубь самих се-

бя, подкраивание к дьяволу, который сокрыт в каждом.

На третьем километре на поднятую руку откинулся наконец шофер бензовоза — молодой парень, волосы, как солома, глаза — синие, громадные

— Куда вам, дядя?

— А здесь неподдаеку, на берегу, возле Зубашихи старик живет.

— Генерал, что ли?

— Точно.

— Чокнутый...

— Да ну! Давно ли?

— А как Горбачев пришел. Раньше молчал, а вот стал товарища Сталина хулить, так и он — туда ж.

— Любимый товарища Сталина?

— Его все честные люди любят.

— Ты сам-то с какого, сынок?

— Старый уже, — усмехнулся паренек, — с шестидесят пятого.

— Да, дед прямо-таки. Ты ж ни Хрущева не застал, ни Сталина. Откуда в тебе любви к Иосифу Виссарионовичу?

— А папая работал в охотхозяйстве, его Василий Иосифович держал, сын вождя. И консервов привезет егерям, и бутылку каждому... Чего ни попросишь — кровель там, стекло, — всем помогать и вязать, как сейчас, не брад — все от чистого сердца... За это его мазали с сионистами и погубил в мученической смерти...

— А мазали — это кто?

— Ну как? Враги народа, нерусские.

— А сионисты?

— Так это ж евреи! Вы что, шуткуете, дядя?

— Почему? Просто интересуюсь, как ты себе это мыслишь. Радичева в школе проходил?

— А как же! До сей поры помню, очень замечательно писал про страдания народа...

— Он, кстати, масоном был, Радичев-то.

— Ты, дядя, давай, напраснику на русского писателя не песи, а то высажу, и точка.

— Да вот тебе ветхий крест, — серьезно ответил Костенко. — Для интереса сходи в библиотеку, посмотри издание Радичева, там про то сказано...

— Какая у нас библиотека? Одни собрания сочинений — то Брежнев был, то Суслыов там воюние с Соломеневым, двух слов сказать не могут, а туда ж — за Пушкиным в ряд...

— Сионисты, — рассмеялся Костенко. — Дорогу, небось, тоже они, сионисты, мешают проложит, по ухабиам елозим?!

— У них руки длинные... Если б от нас что зависело — сразу б проведи...

— Ну так и провели б!

— А ты пойдй в исполком, сунься! С Гушедором поговори! От воров поворот — и точка!

— Масоны там сидят? Нерусские?

— Да что ты с этими долбанными масонами ко мне привязался, дядя? Все об них говорят, что ж, людям не верить?!

— Ну их не все говори, об них наши паря говорили с охранкой и Гитлер... Ладно, хрен с ними, с масонами этими... Мясо дают? Колбасу? Сыр?

Шофер покосился на Костенко, оглядел его папаво, прищурило, холодно:

— А вы вообще-то наш?

— Нет, украинец...

— Ну, это разницы нет, что хохол, что русак...

— Полагаешь?

— А что? Если б вы чуркой были — я б вас физиопомни отличил, прибалтийца какого — по выговору, я с ними в армии служил, аккуратные ребята, своих в обиду не дают, молодцы, это только мы как в расколе живем, только и ждем, чтоб друг дружку скарить, будто шакалы какие...

...Генерал Трехов отмахнулся от костенковско-го удостоверения:

— Я любому человеку рад, мил-душа, живу бобылем, милости прошу в зало...

У Костенко стало тепло на сердце: «Зало» было комнатной метром шестидцати, вдоль всех стен стеллажи с газетами, журналами и книгами, уютный абажур, такой у бабульки был, только у нее белый, а у этого — красный, спаленка крохотная, метром шесть, зато кухня с русской печкой — настоящая, просторная, впрочем, Костенко отметил, что ему мешало здесь что-то, потом понял — холодильник, чужероден.

Генерал словно бы понял его.

— Погреб отменен, мил-душа, по я дважды сверзился, еле отлежался, пришлось изнасиловать российский первозданность а грибутом ан-

технической шпидовщины. Увы, молочко из погреба несравнимо с тем, что хранится в холодильнике, но тогда выноет свои коррективы. Чайку с дорожкой? Хлебчика с салом?

— Ни от чаю, ни от хлеба с салом не откажусь, товарищ генерал.

— Мое ни-отсутствие легко запомни́мо, миле-душа. Я Иван Иванович. А вы?

— Виталий Романович.

— Кусочек соевых. Очень раскатыс, какое-то театральное... Прикажитесь, сейчас нарормо. С чем подаювати?

— Я по поводу Зои Федоровой.

— Кто это?

— Африка, которую убили восемь лет назад.

— Погодите, погодите, я ее реабилитировал вроде бы. Так?

— Именно... Я думал, вы ее сразу вспомните.

— Через меня прошли десятки тысяч людей. Владислав Романович... Я и Сергей Королева тело закрыл, и Туболева, и детей Микояна, и Гату Окулевскую реабилитировал, жену моего фронтного друга Бораса Горбатова, и Павла Васильева, гениального сибирского поэта, и Владислава и Бабеля, Тухачевского, Мандельштама, Мейерхольда, Воллессенского, Михомса — разве всех в намяти удержишь? Видимо, ее дело было легким, в других приходилось разбираться, миле-душа... Таких показаний павильона, стоишь свидетелем выставки... Лина? Ясное дело... Но — доказки! Молотов требовал развернутых справок по каждому делу, особенно в связи с военными, его же подпись там стояла... Кагловнич велел справки на всех секретарей райкомов Москвы ему лично пересылать... По Наркомчити — тоже... Нилита Сергеевич постоянно интересовался Украиной, только Ворониллов и не в дула... Знаете, кстати, как он был? Две чарки водки, я после — для похмельной бодрости — бухер шампанского. И — все. Ушел спать, знаа, когда вставать... Но он уже тогда, миле-душа, мало что восприимчал, парил, так сказать, считал, что если Хрущев в своей речи сказал, мол, Сталин прили Ворошилова — немецкий шпион, то с него все списки автоматически снимаются, а он ведь тоже на сотни тысяч давал свою подпись...

— Иван Иванович, вы не помните, кто был следователем Зои Федоровой?

Генерал поставил на стол вкрашеную кануету, буханку хлеба, сало, порезанные щедрими кубиками, и варенье.

— Конечно, не помню, миле-душа... Если б записи вел, а то ведь все тогда было «сов. секретно»... Никто не знал, когда придет приказ все прекратить и вернуться к восхвалению великого коручего, будь он проклят...

Костенко достал фоторобот Хрена, показал его, генералу. Тот долго вглядывался, потом задумчиво произнес:

— Я его допрашивал... Он в Лесфорте сидел.

— По какому делу?

— Кажется, но тем спискам, которые цолинывал Берия, а потом Абакумов...

— Зою Федорову арестовали по личному указанию Берия...

Генерал покачал головой.

— Сдается мне, там была какая-то игра... Что-то там было особенно коварное... Вы угоняйтесь, миле-душа, угоняйтесь, а я пока рас-слаблос и повспомню...

Костенко положил кусок сала на черняшку, чуть присолил, съел быстро, с нескрываемым аппетитом; ест такие дома, где угоняется в слезы, а бываюи такие, где совеситнись кусок со стола взять.

— Хорошо едите, — заметил генерал, — я-то на творого сижу, как был, полжелудка вынули, ничего, третий год уже, дети всех врачей-убийц съехались, чьих отцов я реабилитировал, а их следователи — сажал...

— Иван Иванович, врачей реабилитировал Берия...

— Он их выпустил, миле-душа... А дело по-настоящему закрывал я... Лаврентий Павлович только крохотный кусочек айсберга приоткрыл в своей борьбе за интеллигенцию, он был игрок мудрый, учитель был же кто-нибудь, а Хозяин... Кегати, у вас фотографии Зои Федоровой нет?

Костенко с готовностью разложил перед генералом фотографии Федоровой; и кадры из фильмов, и в шикарном платке со Сталинскими премиями, и убитую — с телефонной трубкой в руке.

Генерал отодвинул все фотографии, оставив одну — со Сталинскими премиями.

— Вот что я помню точно, миле-душа... Прямо-таки страшно дела вижу... После вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: «Дорогой товарищ Сталин, у меня отен репрессирован...» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче... Потом ездил к Берия на ушшу Качалова... Сталин умел давать взятки, это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозирок, все просчитывал вперед... Эк ведь как сумел «обойми» создать, организовать классиков... Детская литература: ба-бах ордена Лешина Чуковскому, Маршаку, Михалкову, Гайдару и Барто — гени, высшие авторитеты, только их и читать детям... Ба-бах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алешинкову, Андрееву, Черкасову, Маренко, Зое Федоровой — только они говорят с экрана правду, они, и никто больше... Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи... Поиди кто хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Малбадяна, Ногансона... Что там всякие Гудайшвили, Кошчаловские, Мешковы, Сарьяны? Третий сорт... Хоть и гем давал от прогаа, по орденку похвальные, премию пожиже, все взвешивал, фармацевт... Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берия в обсервек ее и забрали... Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, миле-душа, у нее какой-то американец был во время войны, верно?

— Верно. Военный атташе, капитан Джексон Рокджер Тэйт...

— Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

— Ухватили кончик шунурка?

— Не слыжите, миле-душа... Так в каком его турнилу?

— В сорок пятом.

— В сорок пятом, — задумчиво повторил генерал. — Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнилу, — в год Победы... А Сталин железный занавес начал заво-стронть в сорок шестом... Понимаете, к чему я веду?

— Понимаю... Вы ищете личные мотивы для высылки американца.

— Точно... Ее, видимо, пытались вербовать... Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо... Костенко хмыкнул:

— А как быть со Сталиным? Он же мертв...

Генерал покачал головой:

— Жив... Многомиллионер... Его жаждут рабы, мечтающие о жестокой руке и повом порядке... Если о нем молчать — придут те, кто страшнее его... Придут такие туголовые изуверы, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство... Стоп, стоп, стоп... Фамилия Бивербрук вам говорит что-нибудь?

— Довершеное лицо Черчилля? Прилетал к нам в июле сорок первого?

— Молодчина, миле-душа, молодчина, память — форпост ума... Так вот я вам расскажу историю с Бивербруком, а потом напомню про любовный приказ Лаврентия... Лично я документ не видел, вероятно, часть архивов братья Кобуловы, его заместители, успели сечь накануне ареста, их же взяли на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю — после первых показаний членов группы Берия... Но об этом эпизоде вспоминали все... Так вот, миле-душа, когда к нам приехал Бивербрук, зная о его специфических наклонностях, Берия подвел к нему мальчика-переводчика: после того как лорда торжественно проводили, мальчик исчез, как в воду канул... Берия посылал шпероны со своих поможников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывезти на Особое Совецшание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой — после успешного окончания переговоров, — и вождь отдал приказ заранее загрузить прелестное дитя в аэроплан англичанина... Тогда-то Берия и издал приказ: следить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «босвых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желаниа у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в «охранныцу» е американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на нее начали крутить дело... Абракадабра была какая-то. «Он

просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотографировани заборов, через которые можно сделать ланые заборы, через которые можно сделать ланые заборы...» Что-то вроде этого, миле-душа. За точность — не отвечаю... И еще, — но это тоже надо проверить, — где-то и как-то переселились Зои с Галиной Сербриковой, писательницей, зпонец о Марксе, с Лидией Руслановой. И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером... Конечно, я сделал преступление: надо было б вести хотя бы односторонние конексты, но я тогда полагаю, что отгеньел быстро кончиться: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что он бы с гордостью носил Сталинскую премию. Все время печатались статьи о неодо-значности Сталина... Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем — и на тебе «неод-позначен»... Мы ж наши мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними... Чайку подогреть?

— А не трудно? Давайте я сам...

— Все веин в труде, — усмехнулся генерал. — Когда слишком бережешься, начинается рас-снада... Все сам, только сам — в этом залог жизнестойкости...

Он вернулся через пять минут: на лысом-большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой, морщинистые и очень большие, восковые уши...

Не жилец, подумал Костенко. Бог забирал лучших, мерзавцы причислены к лику долгожителей... Это пот у него выстуил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та длет жар... Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он яшчек доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помню той, которую уже дал, — Ром-Лебедев, цыганский гений, воинству замечательный артист; будь проклята беззастенчивая нравственность моей профессии; прав Ястреб, «легавый, взяд след», не сойду, а утеряю — скульпть стану, тьфу, противно, ей-Богу...

— А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабы — безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству; несчастливые роли, расстрелянные мексты, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше...

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не пазкайтесь, тухлое дело, незачем, вам в нем марать-ся, повиснет на всю жизнь нераскрытая фея»... Сначала делом интересовался зампред КГБ Цвигун; поиб — загадочно; потом посадили цыгана Бору, друг а дома, после умер Сулов — одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи правные! Неужели им было не ясно, что после смерти Сулова ситуация наверху стала фактически критической? Что может человек, брошенный на пропаганду? Андропова лишили власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь, ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнева, Федорчук, Цивев, их окружение... А Старый Господи был на последнем издыхании А Москва, столица, как издревле повелось, решала же Гришин и Черненко шли в одной упряжке... Новое руководство ЧК в их руках, Шелокос — само собою...

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскрасировали недели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным... Точно! Воп оно куда тянет, а мы, душни, дальше собственного носа ничего не видели... Вот уж воинству, лучше свобода — с карточками на сахар, чем коррумпированная тирания, смысл которой — оболванить народ, лишить его права на мысль, слово, несогласие, альтернативу... Неблагодарные мы люди... Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломинь, Славик, не высывайся, все сложнее, чем тебе кажется...»

И Костенко вспомнил этого человека — Дима Степанов, он, точно,

технической шпидлерши. Увы, молочко из погреба несравнимо с тем, что хранится в холодильнике, но тогда выноет свои коррективы. Чайку с дорожкой? Хлебчика с салом?

— Ни от чаю, ни от хлеба с салом не откажусь, товарищ генерал.

— Мое ни-отсутствие легко запомнитемо, миле-душа. Я Иван Иванович. А вы?

— Виталий Романович.

— Кусочек сокувице. Очень раскатистое, какое-то театральное... Прикажитесь, сейчас нароримо. С чем подаювати?

— Я по поводу Зои Федоровой.

— Кто это?

— Австрия, которую убили восемь лет назад.

— Погодите, погодите, я ее реабилитировал вроде бы. Так?

— Именно... Я думал, вы ее сразу вспомните.

— Через меня прошли десятки тысяч людей. Владислав Романович... Я и Сергей Королева тело закрыл, и Тудюлева, и детей Микоэна, и Гату Окудевуку реабилитировал, жену моего фронтного друга Бораса Горбатова, и Павла Владыкина, гениального сибирского поэта, и Владыкина, и Бабяна, Тухачевского, Мандельштама, Мейерхольца, Волдесенского, Михомса — разве всех в намяти удержишь? Видимо, ее дело было легким, в других приходилось разбираться, миле-душа... Таких показаний павыбивали, стоило свидетелей выставить... Лина? Ясное дело... Но — доказки! Молотов требовал развернутых справок по каждому делу, особенно в связи с военными, его же подлише там стояла... Ключевик велел справки на всех секретарей райкомов Москвы ему лично пересылать... По Наркомчити — тоже... Нилита Сергеевич постоянно интересовался Украиной, только Ворониллов и не в дула... Знаете, кстати, как он жил? Две чарки водки, я после — для похмельной бодрости — бухер шампанского. И — все. Ушел спать, знаа, когда вставать... Но он уже тогда, миле-душа, мало что восприимал, парил, так сказать, считал, что если Хрущев в своей речи сказал, мол, Сталин прили Ворошилова — немецкий шпион, то с него все списки автоматически снимаются, а он ведь тоже на сотни тысяч давал свою подпись...

— Иван Иванович, вы не помните, кто был следователем Зои Федоровой?

Генерал поставил на стол вкрашеную кануэту, буханку хлеба, сало, порезанные щедрими кубиками, и варенье.

— Конечно, не помню, миле-душа... Если б записи вел, а то ведь все тогда было «сов. секретно»... Никто не знал, когда придет приказ все прекратить и вернуться к восхвалению великого коручего, будь он проклят...

Костенко достал фоторобот Хрена, показал его, генералу. Тот долго вглядывался, потом задумчиво произнес:

— Я его допрашивал... Он в Лесфорте сидел.

— По какому делу?

— Кажется, но тем спискам, которые цолинывал Берия, а потом Абакумов...

— Зою Федорову арестовали по личному указанию Берия...

Генерал покачал головой.

— Сдается мне, там была какая-то игра... Что-то там было особенно коварное... Вы угонайтесь, миле-душа, угонайтесь, а я пока рас-слаблос и повспомню...

Костенко положил кусок сала на черняшку, чуть присолил, съел быстро, с нескрываемым аппетитом; ест такие дома, где угонение в сласеть, а бываюи такие, где совеситнись кусок со стола взять.

— Хорошо едите, — заметил генерал, — я-то на творого сижу, как был, полжелудка вынули, ничего, третий год уже, дети всех врачей-убийц съехались, чьих отцов я реабилитировал, а их следователи — сажал...

— Иван Иванович, врачей реабилитировал Берия...

— Он их выпустил, миле-душа... А дело по-настоящему закрывал я... Лаврентий Павлович только крохотный кусочек айсберга приоткрыл в своей борьбе за интеллигенцию, он был игрок мудрый, учитель был не кто-нибудь, а Хозяин... Кегати, у вас фотографии Зои Федоровой нет?

Костенко с готовностью разложил перед генералом фотографии Федоровой; и кадры из фильмов, и в шикарном платце со Сталинскими премиями, и убитую — с телефонной трубкой в руке.

Генерал отодвинул все фотографии, оставив одну — со Сталинскими премиями.

— Вот что я помню точно, миле-душа... Прямо-таки страшно дела вижу... После вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: «Дорогой товарищ Сталин, у меня отен репрессирован...» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче... Потом сдизла к Берия на ушшу Качалова... Сталин умел давать взятки, это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозировак, все просчитывал вперед... Эк ведь как сумел «обоймы» создать, организовать классиков... Детская литература: ба-бах ордена Лешина Чуковскому, Маршаку, Михалкову, Гайдару и Барто — гени, высшие авторитеты, только их и читать детям... Ба-бах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алешинкову, Андрееву, Черкасову, Маренко, Зое Федоровой — только они говорят с экрана правду, они, и никто больше... Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи... Поиди кто хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Малбадяна, Ногансона... Что там всякие Гудайшвили, Кошаловские, Мешковы, Сарьяны? Третий сорт... Хоть и гем давал от прогаа, по орденку похвальные, премию пожиже, все взвешивал, фармацевт... Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берия в обсервек ее и забрали... Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, миле-душа, у нее какой-то американец был во время войны, верно?

— Верно. Военный атташе, капитан Джексон Рокджер Тэйт...

— Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

— Ухватили кончик шунрака?

— Не слыжите, миле-душа... Так в каком его турнилу?

— В сорок пятом.

— В сорок пятом, — задумчиво повторил генерал. — Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнилу, — в год Победы... А Сталин железный занавес начал заво-стронть в сорок шестом... Понимаете, к чему я веду?

— Понимаю... Вы ищете личные мотивы для высылки американца.

— Точно... Ее, видимо, пытались вербовать... Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо... Костенко хмыкнул:

— А как быть со Сталиным? Он же мертв...

Генерал покачал головой:

— Жив... Многомиллионер... Его жаждут рабы, мечтающие о жестокой руке и повом порядке... Если о нем молчать — придет те, кто страшнее его... Придут такие туголовые изуверы, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство... Стоп, стоп, стоп... Фамилия Бивербрук вам говорит что-нибудь?

— Довершеное лицо Черчилля? Прилетал к нам в июле сорок первого?

— Молодчина, миле-душа, молодчина, память — форпост ума... Так вот я вам расскажу историю с Бивербруком, а потом напомню про любовный приказ Лаврентия... Лично я документ не видел, вероятно, часть архивов братья Кобуловы, его заместители, успели сечь накануне ареста, их же взяли на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю — после первых показаний членов группы Берия... Но об этом эпизоде вспоминали все... Так вот, миле-душа, когда к нам приехал Бивербрук, зная о его специфических наклонностях, Берия подвел к нему мальчика-переводчика: после того как лорда торжественно проводили, мальчик исчез, как в воду канул... Берия посылал шпероны со своих поможников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывезти на Особое Совецшание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой — после успешного окончания переговоров, — и вождь отдал приказ заранее загрузить прелестное дитя в аэроплан англичанина... Тогда-то Берия и издал приказ: следить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «босых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желаниа у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в «охранныцу» е американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на нее начали крутить дело... Абракадабра была какая-то. «Он

просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотографировани заборов, через которые можно сделать ланые заборы, миле-душа... Что-то вроде этого, миле-душа. За точность — не отвечаю... И еще, — но это тоже надо проверить, — где-то и как-то переселились Зои с Галиной Сербриковой, писательницей, эпопей о Марксе, с Лидией Руслановой. И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером... Конечно, я сделал преступление: надо было б вести хотя бы односторонние конексты, но я тогда полагаю, что отгеньел быстро кончиться: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что он бы с гордостью носил Сталинскую премию. Все время печатались статьи о неодо-значности Сталина... Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем — и на тебе «неод-позначен»... Мы ж наши мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними... Чайку подогреть?

— А не трудно? Давайте я сам...

— Все веши в труде, — усмехнулся генерал. — Когда слишком бережешься, начинается рас-слаба... Все сам, только сам — в этом залог жизнестойкости...

Он вернулся через пять минут: на лысом-большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой, морщинистые и очень большие, восковые уши...

Не жилец, подумал Костенко. Бог забирал лучших, мерзавцы причислены к лику долгожителей... Это пот у него выстуил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та длет жар... Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он яшчек доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помню той, которую уже дал, — Ром-Лебедев, цыганский гений, воинству замечательный артист; будь проклята беззастенчивая нравственность моей профессии; прав Ястреб, «легавый, взял след», не сойду, а утеряю — скульпть стану, тьфу, противно, ей-Богу...

— А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабы — безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству; несчастливые роли, расстрелянные мексты, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше...

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не павкайтесь, тухлое дело, незачем, вам в нем марать-ся», повиснет на всю жизнь нераскрытая фея... Сначала делом интересовался зампред КГБ Цвигун; поиб — загадочно; потом посадили цыгана Бору, друг а дома, после умер Сулов — одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи павные! Неужели им было не ясно, что после смерти Сулова ситуация наверху стала фактически критической? Что может человек, брошенный на пропаганду? Андропова лишили власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь, ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнева, Федорчук, Цивев, их окружение... А Старый Господи был на последнем издыхании А Москва, столица, как издревле повелось, решала же Гришин и Черненко шли в одной упряжке... Новое руководство ЧК в их руках, Шелокос — само собою...

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскрасировали недели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным... Точно! Воп оно куда тянет, а мы, душни, дальше собственного носа ничего не видели... Вот уж воинству, лучше свобода — с карточками на сахар, чем коррупцированная тирания, смысл которой — оболванить народ, лишить его права на мысль, слово, несогласие, альтернативу... Неблагодарные мы люди... Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломить, Славик, не высывайся, все сложнее, чем тебе кажется...»

И Костенко вспомнил этого человека — Дима Степанов, он, точно,

Генерал отодвинул все фотографии, оставив одну — со Сталинскими премиями.

— Вот что я помню точно, миле-душа... Прямо-таки страшно дела вижу... После вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: «Дорогой товарищ Сталин, у меня отен репрессирован...» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче... Потом сдизла к Берия на ушшу Качалова... Сталин умел давать взятки, это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозировак, все просчитывал вперед... Эк ведь как сумел «обоймы» создать, организовать классиков... Детская литература: ба-бах ордена Лешина Чуковскому, Маршаку, Михалкову, Гайдару и Барто — гени, высшие авторитеты, только их и читать детям... Ба-бах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алешинкову, Андрееву, Черкасову, Маренко, Зое Федоровой — только они говорят с экрана правду, они, и никто больше... Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи... Поиди кто хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Малбадяна, Ногансона... Что там всякие Гудайшвили, Кошаловские, Мешковы, Сарьяны? Третий сорт... Хоть и гем давал от прогаа, по орденку похвальные, премию пожиже, все взвешивал, фармацевт... Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берия в обсервек ее и забрали... Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, миле-душа, у нее какой-то американец был во время войны, верно?

— Верно. Военный атташе, капитан Джексон Рокджер Тэйт...

— Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

— Ухватили кончик шунрака?

— Не слыжите, миле-душа... Так в каком его турнилу?

— В сорок пятом.

— В сорок пятом, — задумчиво повторил генерал. — Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнилу, — в год Победы... А Сталин железный занавес начал заво-стронть в сорок шестом... Понимаете, к чему я веду?

— Понимаю... Вы ищете личные мотивы для высылки американца.

— Точно... Ее, видимо, пытались вербовать... Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо... Костенко хмыкнул:

— А как быть со Сталиным? Он же мертв...

Генерал покачал головой:

— Жив... Многомиллионер... Его жаждут рабы, мечтающие о жестокой руке и повом порядке... Если о нем молчать — придет те, кто страшнее его... Придут такие туголовые изуверы, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство... Стоп, стоп, стоп... Фамилия Бивербрук вам говорит что-нибудь?

— Довершеное лицо Черчилля? Прилетал к нам в июле сорок первого?

— Молодчина, миле-душа, молодчина, память — форпост ума... Так вот я вам расскажу историю с Бивербруком, а потом напомню про любовный приказ Лаврентия... Лично я документ не видел, вероятно, часть архивов братья Кобуловы, его заместители, успели сечь накануне ареста, их же взяли на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю — после первых показаний членов группы Берия... Но об этом эпизоде вспоминали все... Так вот, миле-душа, когда к нам приехал Бивербрук, зная о его специфических наклонностях, Берия подвел к нему мальчика-переводчика: после того как лорда торжественно проводили, мальчик исчез, как в воду канул... Берия посылал шпероны со своих поможников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывезти на Особое Совецшание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой — после успешного окончания переговоров, — и вождь отдал приказ заранее загрузить прелестное дитя в аэроплан англичанина... Тогда-то Берия и издал приказ: следить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «босых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желаниа у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в «охранныцу» е американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на нее начали крутить дело... Абракадабра была какая-то. «Он

просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотографировани заборов, через которые можно сделать ланые заборы, миле-душа... Что-то вроде этого, миле-душа. За точность — не отвечаю... И еще, — но это тоже надо проверить, — где-то и как-то переселились Зои с Галиной Сербриковой, писательницей, эпопей о Марксе, с Лидией Руслановой. И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером... Конечно, я сделал преступление: надо было б вести хотя бы односторонние конексты, но я тогда полагаю, что отгеньел быстро кончиться: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что он бы с гордостью носил Сталинскую премию. Все время печатались статьи о неодо-значности Сталина... Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем — и на тебе «неод-позначен»... Мы ж наши мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними... Чайку подогреть?

— А не трудно? Давайте я сам...

— Все веши в труде, — усмехнулся генерал. — Когда слишком бережешься, начинается рас-слаба... Все сам, только сам — в этом залог жизнестойкости...

Он вернулся через пять минут: на лысом-большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой, морщинистые и очень большие, восковые уши...

Не жилец, подумал Костенко. Бог забирал лучших, мерзавцы причислены к лику долгожителей... Это пот у него выстуил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та длет жар... Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он яшчек доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помню той, которую уже дал, — Ром-Лебедев, цыганский гений, воинству замечательный артист; будь проклята беззастенчивая нравственность моей профессии; прав Ястреб, «легавый, взял след», не сойду, а утеряю — скульпть стану, тьфу, противно, ей-Богу...

— А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабы — безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству; несчастливые роли, расстрелянные мексты, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше...

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не павкайтесь, тухлое дело, незачем, вам в нем марать-ся», повиснет на всю жизнь нераскрытая фея... Сначала делом интересовался зампред КГБ Цвигун; поиб — загадочно; потом посадили цыгана Бору, друг а дома, после умер Сулов — одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи павные! Неужели им было не ясно, что после смерти Сулова ситуация наверху стала фактически критической? Что может человек, брошенный на пропаганду? Андропова лишили власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь, ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнева, Федорчук, Цивев, их окружение... А Старый Господи был на последнем издыхании А Москва, столица, как издревле повелось, решала же Гришин и Черненко шли в одной упряжке... Новое руководство ЧК в их руках, Шелокос — само собою...

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскрасировали недели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным... Точно! Воп оно куда тянет, а мы, душни, дальше собственного носа ничего не видели... Вот уж воинству, лучше свобода — с карточками на сахар, чем коррупцированная тирания, смысл которой — оболванить народ, лишить его права на мысль, слово, несогласие, альтернативу... Неблагодарные мы люди... Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломить, Славик, не высывайся, все сложнее, чем тебе кажется...»

И Костенко вспомнил этого человека — Дима Степанов, он, точно,

О тсюда (из Неаполя) в Америку тайно переправляют наркотики, причем делается это настолько хитро и ловко, что итальянским и американским спецслужбам не остается ничего другого, как, опираясь на слухи и домыслы, сваливать всю вину на одного джентльмена по имени Лаки Лучано.

Примерно за полтора года до смерти Раймонда Чендлера* я попытался организовать для него поездку в Неаполь и встречу с Лаки Лучано: Чендлеру к тому времени наскучило писательское ремесло, и я надеялся, что знакомство с «последним из могикан» ставшей уже мифом эры Аль Капоне даст пищу его воображению. В Антонио Чендлер вернувшись убежденный, что обвинения против Лучано были сфабрикованы другими гангстерами, которые просто откупились, выдал его прокурору Нью-Йорка мистеру Дьюи. К моему удивлению, Чендлер все-таки выхватил эту идею, и он врате обрисовал мне сюжет, который мог бы стать отличной основой для книги об ослепленном гангстере. Однако, считая, что судьба и так сурово обошлась с Лучано, Раймонд, прежде чем браться за перо, все-таки решил написать ему и попросить разрешения вынести это в книге, но ответа от Лучано так и не получил. Чендлер был вынужден отказаться от своего замысла, но я все же решил попробовать встретиться с Лаки Лучано и составить собственное мнение о нем, по тому перед поездкой в Неаполь попросил мистера Генри Годи, старшего чеюека в Риме, организовать мне эту встречу.

Это оказалось нелегко. Лаки Лучано избегает всякого широко предвещательного объявления и тем, видимо, знает, имеет, что своей славы он обидит роли, о которой предпочел бы забыть. Великий раз, когда сюда приходит американский флот, он вынужден спешить от преследования глазевших мастросов, которые с пеной у рта доказывают ему единственное, что они хотят увидеть в Италии, — это он и знаа римский. Но на сей раз согласие на встречу было получено, и на следующий день после нашего приезда в Неаполь мистер Лучано пришел на чай под чопорные своды отеля «Эксельсиор».

Лаки Лучано оказался аккуртным, тихим человеком с седыми волосами и усталым, приятным лицом. Не берусь судить, заслуживает ли он печальной известности, связанной с его именем, или нет, но внешне он производит впечатление человека властного и решительного: неулыбчивые, почти неморгающие глаза, мощный, упрямый подбородок и удивительная сдержанность движений и мимики. Сидя в углу просторной гостиной за дружеской беседой — моя жена, миссис Ли Толи (прекрасный фотограф, которая благодаря ловерно к ней Лучано смогла организовать эту вечеринку), Лаки Лучано и я, мы передавали друг другу сахар, мюсли, тонкие ломтики бисквита, и меня позабавило необычное спокойствие этой церемонии. Наружность мистера Лучано (его можно было принять за дипломата невысокого ранга или за государственного служащего) прекрасно вписывалась в этот инвизилованный ритуал. На нем было хорошо потный костюм неброских серых тонов, белая шелковая рубанка и темный галстук. Насколько я понял, ему каждый день делали укладку и маникюр — дорого, но со вкусом. Только когда он заговорил, прозвучавшее в его голосе нотки герова Раньона** выдала его чикагское прошлое.

— Там один из Бюро по борьбе с наркотиками хочет засаждать меня. Судья из Палмья и Катани — там повторное расследование идет — мне дал эту липу, сам заверил. Хотят повесить на меня убийство мэра, какое-то

Известный английский писатель и разведчик Ян Флеминг с одним из «крестных отцов» американской мафии, агентом разведки США Лаки Лучано.

ВСТРЕЧА В НЕАПОЛЕ

В 1963 году на прилавках книжных магазинов Запада появилась книга, сразу привлекавшая к себе внимание покупателей. Еще бы! Ведь автором ее был Ян Флеминг — создатель знаменитого агента 007 — Джеймса Бонда. Но на сей раз Флеминг выступил в неожиданном для себя и для поклонников жанра: его новая книга «Потрясающие города» представляла собой путеводитель по разным городам мира, в которых он побывал. «Это мир Джеймса Бонда» — так отозвалась об этой книге лондонская «Дейли телеграф». Действительно, Флеминг постарался рассказать о местах, которые не упоминаются в обычных путеводителях и скрыты от глаз туристов. Под стать таким местам и люди, с которыми встречался писатель. В этом номере «Совершенно секретно» мы публикуем отрывок из главы «Неаполь», в котором Флеминг рассказывает о своей встрече со знаменитым гангстером Лаки Лучано.

похищение в Танжере и кучу других дел впридачу, о которых я ни словом ни духом. Этот сукин сын (неловая пауза)... извиняюсь за выражение, этот тип говорит, что я в этом деле замесана, а я о них и слыхом не слыхивал, пока в газете не прочел. И знаете, что было дальше? Итальянская полиция стала разбирать эту липу, которую Американское бюро по борьбе с наркотиками состряпало, и меня пригласили в суд. Судья, который вел это дело, спросил меня, известно ли мне что-нибудь об этих вещах, а когда я ответил «нет», сказал, что я могу быть свободен. А после этого встает обвинитель и требует для этого парня три года за лже-свидетельство, за то, что он пытался оговорить меня, и в результате он получает два с половиной года. Понимаете, в чем тут дело? Эти люди из Бюро по борьбе с наркотиками вечно пытаются обвинить меня во всех смертных грехах. А почему? Да потому, что они придумать не могут, на кого еще повесить всех собак за наркотики, которые попадают в Соединенные Штаты. Эти люди всегда выставляют себя дураками. Как вы думаете, смог бы я спокойнo жить здесь, в Неаполе, где все обо всех все знают, если бы я занимался тем, в чем меня обвиняют? Наверно, эти парни злятся на меня, потому что я зову их «содовыми полицейскими»: они вечно кого-то подозревают в торговле наркотиками и посылают к подозреваемому агента для покупки этих наркотиков. Парни берут деньги, говорят «большое спасибо» и дают агенту подозрительный пакетик. А когда в Бюро его вскрывают, выясняется, что это всего-навсего пищевая сода.

Всех нас позабавила эта история. Потом я спросил, правда ли, что значительная часть наркотиков попадает в

США из Италии? Нет, ответил Лаки Лучано, это устаревшие сведения. В газетах он читал, что теперь наркотики в основном поступают из Мексики. «И знаете что, мистер Флеминг? Винаовато в этом американское правительство. Оно неправильно решает проблему наркотиков, поэтому дела с каждым годом идут все хуже. Каждый год в Вашингтоне тратят миллиарды долларов, чтобы положить конец торговле наркотиками, но таким путем ее не остановишь. Вы понимаете, мистер Флеминг, это дорогая штука: чтобы купить порцию, нужно около 200 долларов в шельмо, а у кого есть такие деньги? Потому тем, кто сидит на игле, приходится воровать или убивать: деньги-то на порошок нужны. Значит, что должны делать в Вашингтоне? А должны они устроить клиники по всей стране, где тебя регистрируют как наркомана — вроде как в Англии. Ты идешь туда и получаешь свою дозу бесплатно, даром. Ну вот, ходишь ты в эту клинику — выходов там много, так что можно не бояться, что тебя узнают. — А врач каждый раз уменьшает тебе дозу, сперва помалу, потом — больше. Так в конце концов ты влиенываешься. Понимаете, мистер Флеминг, дело в том, что если наркотики давать людям бесплатно, они не станут грабить и убивать из-за денег, чтоб их купить. И посредники — торговцы наркотиками — останутся не у дел, и не понадобятся никакие принудительные меры, и не будет контрабанды наркотиков. Видите ли, мистер Флеминг, просто все дело в том, как на них клиники или потратить на принудительные меры, от которых только хуже».

Я согласился, сказав, что идея отлич-

ная, почему он не изложил свои образы на бумаге и не пошел президенту? Лаки скромно пожал плечами и ответил, что еще не располагает всеми цифрами и фактами, чтобы придать своему плану убедительности. Я убеждал его непременно довести дело до конца и сейчас придерживаюсь того же мнения. «План Лучано» по борьбе с наркотиками, из-за которых он, собственно, и сидел в тюрьме, а потом был выслан из Штатов, казался мне хитроумной уловкой, чтобы нанести удар по битхам и наркокушам — главным потребителям этого зелья в Америке.

Потом я спросил: почему все крупнейшие американские гангстеры, за исключением Длинногого Даймонда и еще пары-тройки других, итальянского происхождения и правда ли, что мафия, как утверждают, весьма успешно действует в Соединенных Штатах? Лучано с ходу отверг эти утверждения, и как мне показалось, был искренен. Все дело в том, сказал он, что сейчас в Америке все решили сваливать на итальянцев. Что касается мафии, это просто выходящая тема для журналистов. Действует ли она в Неаполе? Пожав плечами, мистер Лучано отверг саму идею существования мафии. Все это чепуха, сказал он, просто жареный материал для журналистов.

Разумеется, Лучано прав, пытаясь забыть все, связанное с образом жизни, который он, по слухам, вел в молодости, но то, что он будто не знает о существовании преступности в среде итапо-американцев, — чистейшее лицемерство. Но, несомненно, мистер Лучано прав в том, что даже одно неосторожное слово, оброненное журналисту, особенно о его нынешнем местожительстве, может повлечь за собой кричащие заголовки в газетах и потерю истинно дружеского расположения, которое питают к нему в Италии, и особенно в Неаполе, где он известен примерной жизнью и щедрыми благотворительными жертвованиями. Его единственное желание — получить разрешение уехать из района Неаполя, пределы которого он не может покидать, и поселиться в каком-нибудь другом месте; главное, чтобы там была площадка для гольфа — этой игры ему сильно не хватает. Здесь, в Неаполе, после смерти горячо любимой спутницы ему нечем занять себя, кроме как присматривать за тремя миниатюрными доберман-пинчерами и соблюдать предписанную врачами строгую диету.

Я убеждал его написать мемуары, но он печально и с искренностью в голосе ответил, что никто не станет их читать, если только в них не будет рассказываться о дурном в его жизни. Никто не захочет читать о нем хорошее, хотя

* Чендлер Раймонд (1888—1959) — американский классик детективного жанра.

** Раньон Демон (1884—1946) — американский писатель-юморист, мастерски изображающий разговорный язык, просторечие, жаргон.

ИНФОРМАЦИЯ

Конгресс МАДПР в Мексике

С 1 по 8 октября 1989 года в городах Таско и Акапулько (Мексика) проходил конгресс Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР).

В его работе приняли участие известные писатели и публицисты — представители жанра детективного и политического романа из многих стран Латинской Америки, Европы, Азии, США и Советского Союза.

В ходе пленарных заседаний и оживленных дискуссий, «круглых столов» и встреч с читателями обсуждались проблемы и пути дальнейшего развития жанра, его роль в литературе, театре и кино.

В своих докладах делегаты конгресса подчеркивали возрастающее значение детективного и политического романа в современном искусстве, его неразрывную связь с общественной жизнью, необходимость единения писателей в решении таких общесоциальных проблем двадцатого века, как наркотики, организованная преступность, терроризм.

На конгрессе были избраны руководящие органы МАДПР.

Почетным президентом — основателем Ассоциации единогласно избран советский писатель Юлиан Семенов!

На пост президента МАДПР в результате прямого тайного голосования был избран мексиканский писатель Лако Игнасио Тайбо.

Вице-президентами Ассоциации избраны Карл Арне Блом (Швеция), Иржи Прохазка (ЧССР) и Рудольф Перес Валеро (Куба). Вице-президенты от США, Канады и азиатского региона будут избраны на заседании Исполкома МАДПР летом 1990 года в г. Католика (Италия).

На конгрессе был также избран Секретариат, в состав которого от Советского Союза вошел молодой публицист Артем Боровик.

уже доказано, что возбужденное против него дело оказалось фальшивкой и он был полностью оправдан.

Когда мы вышли на улицу, чтобы вместе сфотографироваться, я спросил его, какой ресторан лучший в городе, и он ответил «Анджелло». Тогда я спросил, какого он мнения о заведении возле гавани с яхтами, перед отелем «Эксельсиор». «Туда ходить не стоить», — ответил он. — Еда хорошая, но дерут втридорога».

Мне никак не удалось отождествить велегерного синьора Лучано из Неаполя с прежним Лаки Лучано из Чикаго, однако я не поселился поскорее его нынешнее досие в Италии. Из него мне стало ясно, что, судя по всему, кланки, которыми он вандрил ужас в Америке, либо уже выдернули, либо они выпали сами в сылке.

Например, в марте 1958 года специальная судейская комиссия в Неаполе рассмотрела заявление римской полиции о том, что Лучано необходимо выслать на маленький остров или в горную деревушку, поскольку он замешан в международной торговле наркотиками. Комиссия постановила, что дела против Лучано не существует, что он — «свободный гражданин, как было до, и ведет в высшей степени примерную жизнь, не давая повода для порицания». Прокурор обжаловал это решение, заявив, что к уликам против Лучано отнеслись недостаточно серьезно, но итальянский апелляционный суд не обнаружил «ни малейших оснований для подозрения» и объявил, что Лучано «абсолютно вне подозрений в том, что касается противозаконной деятельности».

Затем, в марте 1959-го, произошел тот самый случай, о котором мне рассказывал Лучано. Согласно протоколу суд признал некоего Шибилла виновен в распространении порочающих Лучано слухов и в результате приговорил его к двум с половиной годам заключения. Шибилла признался, что предоставил Американскому бюро по борьбе с наркотиками ложную информацию о Лучано, чтобы «немного заработать». А состояло его сообщение из того, что Лучано организовал «исчезновение» одного итальянского мэра, потому что тот будто бы надул его при перепродаже наркотиков.

Где кончается человек и начинается миф? Исчас мистер Квентин Рейнольд пошел о нем сценарий для «Юниверсал Пикчер». Было бы прекрасно, если бы сценарий заканчивался так: Соединенные Штаты принимают «план Лучано» по борьбе с торговцами наркотиками, а его самого ждет триумфальное возвращение в Америку, где под звуки божественного хора, из тех, которыми славен Голливуд, мистер Лучано любезно соглашается стать почетным членом гольф-клуба «Семпхол» (Мистер Лучано мирно почил в 1962 году.)

Наш комментарий

Приведенный выше отрывок любопытен по многим причинам. Впервые, потому, что беседующие — знаменитые личности: Ян Флеминг, основоположник разновидности современного шпионского романа — шпионской сказки, создатель знаменитого супергеронта Джеймса Бонда, и Лаки Лучано — король преступного мира — один из тех, кто стоял у истоков «Коза ностры» — американской мафии. Любопытны и то впечатление, которое произвел Лучано на Флеминга, и оценка данная ему писателем. Но самое удивительное то, что Флеминг и не подозревал, что человек, представлявшийся ему всего-навсего «последним из могикан» зры Аль Капоне, гангстером старой закалки, примитивные методы которого давно канули в прошлое вместе с «сухим законом» и усам, которые традиционно носили мафиози в 20-е годы, не только не отошел от дел, но, напротив, воздавала наиболее прибыльный и по сей день преступный бизнес — международную торговлю наркотиками. Такое поразительное

название неведоме писателя, видимо, объясняется тем, что о подлинных масштабах деятельности Лучано, да и мафии в целом, стало известно значительно позже (сам Флеминг скончался 12 августа 1964 года). Но в момент беседы Флеминга с Лаки, в 1960-м, слово «мафия» еще звучало экзотично, как еще недавно СИИД, а приницип Джо Валдаци, первого из гангстеров, рассказавшего комиссии американского сената в 1963 году о существовании «Коза ностры», были еще вперде. Что же известно о Лучано теперь?

Карьера Сальваторе Луканиа, известного больше как Чарли Лаки Лучано, началась в Нью-Йорке, куда в 1907 году переехала из Сицилии его семья (будущему гангстеру было тогда 7 лет). «Школу жизни» Сальваторе проходил в бандах подростков в том же районе Нью-Йорка, что и знаменитый Аль Капоне, и уже с 16 лет его фотографии украшали полицейские досие. Примерно в 1920 году на «особого» парня обратила внимание мафия. Лучано отличался зарекомендовал себя, сначала оказав поддержку в борьбе за власть одному из тогдашних «сикоритов» мафии Джузеппе Массерия (Джо Босс), а затем продемонстрировав отличные организаторские способности. Именно Лучано принадлежала идея создания «большой семерки» — гигантского гангстерского о треста, во времена «сухого закона» контролирующего всю контрабандную торговлю спиртными напитками в США. Став во главе «большой семерки», Лучано сосредоточил в своих руках огромную власть. Это вызвало недовольство среди тех «семей» мафии, представители которых не вошли в трест. В начале 1929 года Лучано, избитого до полусмерти, со следами ожогов на теле, полицейские подобрали на шоссе близ Стейтен-Айленда. В полиции, однако, он утвердил, что понятия не имеет, кто и за что мол на него напал, и что мучителей своих не помнит. По всей вероятности, Лучано получил своеобразное предупреждение от других «крестных отцов»: не зарывайся! Но многие были убеждены, что Лучано лишь чудом остался жив, и после этого он получил прозвище Счастливицк (Лаки).

В 1931-м, приговоренный к 11 годам тюрьмы, король мафии Аль Капоне сошел со сцены. Вместе с ним ушел в прошлое традиционный гангстеризм, основанный на принятии насилия. На смену «старикам» пришло молодое поколение гангстеров-бизнесменов, и одним из главных его представителей стал Лучано, хотя, к слову, и был старше Капоне на 2 года. Впрочем, умело, «по-капиталистически» ведя деловые операции, «молодые» не отказывались от насилия. Так Лучано лично помог отправиться на тот свет своему боссу Дю Массерия и его преемнику Сальваторе Мариано — они стояли на его пути к власти. Вскоре с засильем «стариков» в рядах американской мафии было покончено. Лучано, по сути, возглавил «Коза ностру».

5 декабря 1933 года был отменен «сухой закон». Мафия, успевшая к тому времени сколотить немалый капитал на контрабандной торговле спиртным, быстро переориентировалась. На смену «большой семерке» пришла «Большая шестерка» — синдикат, так же пользовавшийся огромным влиянием в преступном мире. Основными областями деятельности «Большой шестерки» были букмекерство, нелегальные азартные игры, убийства «по контракту», торговля наркотиками и разнообразные формы рackets. Так, большой доход приносил Лучано racket профессиональной проституции, который он довел до совершенства: только в 1935 году это принесло мафии около 20 миллионов долларов, 200 тысяч из которых составила доля Лаки.

Лучано чувствовал себя в безопасности: нащупать ниточки, ведущие к нему, было чрезвычайно сложно. Однако прокурору Нью-Йорка Томасу Дьюю, в 1935 году занявшемуся расследованием racket профессиональной проституции, удалось установить, кто за этим стоит. Чтобы изобличить преступника, необходимо было предоставить суду свиде-

телей. Но где их взять? Дьюю нашел оригинальное решение. Вечером 1 февраля 1935 года полицейские агенты арестовали 110 проституток из 41 публичного дома Манхэттена и Бруклина. Напрасно Дьюю судил им, что Лучано никогда не вернется в Нью-Йорк (Лаки сбежал улетел во Флориду), если они дадут показания. — «девочки», хорошо знакомые с методами мафии, молчали. Наконец кое-кто из них все же заговорил. В суд были вызваны 68 свидетелей, среди них 40 проституток и владельцы публичных домов и 12 сутенеров. В июле 1935-го Лучано (полицейские задержали его в штате Арканзас) был приговорен к 50 годам заключения и отправлен в каторжную тюрьму Данемора.

Однако Счастливицку везло. Через 7 лет, в мае 1942 года, его внезапно перевели в тюрьму с более мягким режимом. Там его неожиданно навестил адвокат Мозес Полдакофф: он приехал с поручением от правительства США, точнее, от разведывательного управления морских сил. Суть разговора сводилась к следующему: союзники готовят высадку на Сицилию. Но полиция фашистских войск на этом острове, занимаясь стратегически важное положение в Средиземном море, очень сильна. Нужны местные люди, готовые оказать содействие союзникам. Сможет ли помочь сицилийская мафия?

Лучано дал свое согласие. Он обратился к своему приятелю и компаньону Калоджеро Вишнни (дону Кало), главе сицилийской мафии, с просьбой оказать всестороннюю поддержку американским войскам при вторжении на остров.

Тесное сотрудничество Лучано с военно-морской разведкой США дало повод его адвокатам ходатайствовать о досрочном освобождении мафиози из заключения. В конце 1945-го апелляционный суд, принимая во внимание его «ожизненно важный вклад в военные усилия страны», принял решение освободить Лаки от 40 оставшихся лет тюрьмы и депортировать в Италию.

9 февраля 1946 года Лучано выслали из США в Неаполь, где ему предстояло жить под надзором полиции. Жил он тихо и незаметно, существуя на ренту с состояния, вложенной о в некий бизнес в США. На самом деле источником дохода «тихого пенсионера» были наркотики: в Италии он стоял в главе преступного треста, поставившего в США герони и гашиш. Как было установлено Бюро по борьбе с наркотиками, ровно через 3 месяца после возвращения Лучано в Италию в США прибыла первая большая партия контрабандного героина на сумму 250 тысяч долларов.

Лучано преуспевал, полностью оправдывая свое прозвище — Счастливицк. Но 27 января 1962 года счастье наконец изменило ему. В тот день Лаки приехал в аэропорт Неаполя встречать друзей из Америки. Пока ждал рейс, заказал себе, как обычно, чашечку кофе. Но до конца допить ее Счастливицк не успел — остановилось сердце, инфаркт. Были, однако, подозрения, что отравиться в мир иной Лучано «помогли»...

«Где кончается человек и начинается миф?» — задается вопросом Ян Флеминг, заканчивая рассказ о Лучано. Английский писатель, видимо, попал под обаяние мифа. Но история Лаки Лучано, основанная на фактах, говорит о другом.

Перевод и комментарий
Георгий ТОЛСТЯКОВА

ОТВЕТЫ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Начальник Угловоза розизка страны Вячеслав ПАНКИН

О ликвидации межрегиональной группы расхитителей и сбытчиков наркотиков из промышленного объединения «Чимкентбиофарм».

На протяжении ряда последних лет в проторной сфере ответственности наркобизнеса стали время от времени появляться крупные партии наркотиков промышленного изготовления. Наркоманы

Москва, Ленинград, Ташкента, республик Закавказья, Прибалтики и Дальнего Востока платили огромные, год от года все большие, деньги за приобретение «белой смерти».

Главным управлением уголовного розыска МВД СССР, каждый зарегистрированный факт сбыта этого вида наркотиков брался на особый контроль, заводились многочисленные дела оперативного учета, проводились оперативно-розыскные и иные мероприятия по выявлению источников и каналов распространения опасного зелья, осуществлялись массовые проверки установленных правил хранения, учета и расходования наркотических средств в лечебно-профилактических учреждениях медико-биологической промышленности.

Результат проявился в сентябре 1988 года. В Приморском крае был задержан с поличным ранее неоднократно судимый Кагарлицкий В. П., находившийся во всеобщем розыске, который под чужой фамилией совершал челночные рейсы по маршруту Чимкент — Хабаровск — Владивосток — Чимкент, доставляя крупные партии морфия из Приморского и Хабаровского края.

Через месяц в Тбилиси при сбыте сумки морфия задержан Исаков А. И. и Усубова З. С., иеродически, как установлено, выдвигавшие в Чимкент.

В целях выявления организаторов и расхитителей наркотических средств, полного установления эпизодов их преступной деятельности была создана оперативно-следственная группа в составе сотрудников ГУУР МВД СССР, МВД Казахской, Грузинской ССР и УВД Приморского крайисполкома.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

По паспорту она значилась как Ирина Владимировна, но представлялась Эльвирой Вольфемаровной или просто Эдой. Впрочем, все знакомые звали ее Крошкой, что ей тоже impunировало. А фамилия ее напоминала мне о средневековых германских балладах. Отец Эды — из сосланных Сталиным в Узбекистан новоблажских немцев и превращен во Владимира вполне понятной силой постэвакуационных обстоятельств. Мать — опять же из сосланных — турчанка. Этот треугольник, словно латиноамериканский карнавал, замес полярно разномысливших кровей подарил Эде обаяние и красоту.

В состоянии наркотического опьянения от ее улыбок я согласился сопровождать Эду в ее родной Самарканд. Там у моей расчетливо эгоистичной богини образовалась пара проблем. Во-первых, она должна была подделать несколько документов, чтобы спокойно выехать к своему фиктивному супругу на Запад (супруг стоял ей гораздо больше, нежели оформление «левых» бумаг, потому, что за свободу «замужнего выезда» Эда заплатила долларом). Во-вторых, нужно было поднести отнюдь неслучайно с младшей сестрой (их наив был впечатляющим, по словам Крошки, партиями в тех краях брали взятки, так что распорядились, полагано, было чем).

Не стану описывать все самаркандские приключения в духе «Тысячи и одной ночи». Однако внезапный вихрь трехминутной атаки в аэропорту Ташкента помнить, наверное, буду всегда.

горничного цвета кожаном пальто нашаривал под ее супердорогим свитером. Я на какой-то миг опешил и позорно промедлил, не проявив положенной рыцарской доблести.

Ошудел на заплывающем полу, пахнушем почему-то поджаренными семечками. Во рту было противно солоно от крови — два зуба выбито. А в переносицу упирался бодряще прохладный ствол неестественно громоздкого «магнума». Верхом на мне сидел лысоватый малый с орлиным лицом, более похожий на северокавказца, чем на узбека. Лицо это я не забуду...

СЕМЬЯ-1

Они были неприметной парой. Инвалид II группы Миша Горковенко, который, несмотря на треугольные густые усы и по-благородному высокие залысины, не выглядел, по моему, значительно старше своих беспоконных тридцати, и его двадцатилетняя жена Лена, скучная узконослезная женщина с простым одуловатым лицом школьной буфетчицы.

Немного догадывались, что за внешне бесцветным фасадом заурядного, казалось бы, быта плывут нескрываемый накал небезопасных разборов и вскоре полькнет ярким огнем, прольется большой кровью. Они слыли неприметной парой.

Неприметной. Слытно, хотя и смутное свое благосостояние старались не рекламировать. А дом был у них — позволило себе старый и зата-

сканный штамп — подлая челя Полная. Импортной аппаратурой, престижной мебелью, помпезными коврами, симпатичными безделушками, наркотиками и... мучительным страхом.

Их было чего бояться. Ординарная аппаратчица Чимкентского химфармпредприятия (ХФП) Елена Георгиевна Горковенко, не гонувшись, купила у своего преданного любовника и телохранителя Коли Лазаренко старенький, но заботливо ухоженный обрез. Однако и это, тщательное забитое изоляционной лентой, прибавление к семейному оружейному арсеналу не убергло семью от лихой беды.

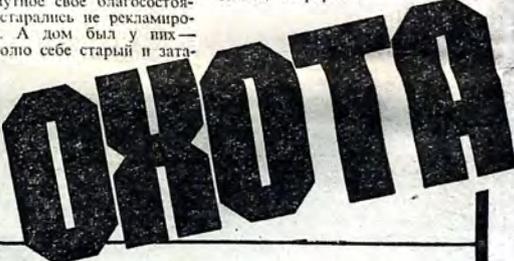
Анкета: Лазаренко Николай Васильевич, 1960 г. р. водитель чимкентского таксопарка. По материалам следствия, продал морфина на сумму около 60 000 рублей.

ЭТАП-1

Операция по разоблачению чимкентской наркомафии разделилась на три этапа.

Первый. Раскрыть мафиозные ячейки в Грузии и Приморье, выявить сеть связей с Чимкентом, пакнуть свидетельскую базу, добыть вещественные и иные доказательства.

Для этого осуществлялись скрытые выезды оперативных работников уголовного розыска в Чимкент и другие города для детальной проверки полученной информации на ме-

О результатах проделанной работы ГУУР МВД СССР, МВД Казахской и Грузинской ССР, УВД Приморского края по ликвидации сбытчиков наркотиков с Чимкентского ХФЗ

Table with columns for 'ЧИМКЕНТСКИЙ ХИМФАРМЗАВОД' and 'ГРУЗИИ'. Lists names, dates, and details of arrests and seizures of morphine and weapons.

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

- List of names and details of arrests in Primorsky Krai, including Morozovskiy M.A., Nikolayenko A.I., and others.

Всего арестовано - 21 Под подпиской - 2 в розыске - 2

Всего арестовано - 14 Под подпиской - 2

В настоящее время за незаконные операции с порцией морфия, похищенного с Чимкентского ХФЗ, арестовано 37 человек, находится под подпиской 6, объявлено в розыск 2 человека. Задokumentировано 28 фактов сбыта наркотических средств, раскрыто 1 убийство, 3 вымогательства "рекет" с применением огнестрельного оружия, 6 вымогательства, хранения огнестрельного оружия и боеприпасов, 11 квартирных краж и др.

Преступникам выписаны сбыт наркотических средств на сумму 1 млн. 500 000 рублей, валюты денег и ценностей, опхасано имущество в автотранспорта на сумму более 230 000 рублей

стах установления необходимого наблюдения и принятия иных мер разведывательного характера к оповикам Сотруднику УВД Чимкентской области пока на первоначальном этапе не задействовались поскольку не было гарантии что сведения о работе оперативников не станут известны руководителям эдашней наркомафии

РЕМИШЕНЩИКИ-2

Переместив винятский пистолет к моему работнику орлиноносый нетерпеливо продолжал обыск Скромные банноты брезгливо аляж обратил в карман, а мое редакционное удостоверение через плечо бросил обладателю горючего пальто. Тот, ловко поймал винтвоего шеста «корочку» коротко бросил приятелю повелительное «пощади!» и, проходя мимо, с размаху ударил меня в правый глаз мыском полуботинка

СЕМЬЯ-2

Чимкентской наркомафией руководил Ташбулат Ирismetов по кличке «Дикий» Фигура в уютной тусовке, бесспорно авторитетная. В свое время «горячи» за убийство. Анкета: Ирismetов Ташбулат Османович, 1957 г. Организация разбоев и вымогательства сбыт морфина на 80000 рублей.

Босвики группы «Дикого»

В отношении его брата Мананова А.А. материалы были выделены в отдельное производство так как у него удалось изъять лишь винтовку и холодное оружие

Учитывая, что процессуальных доказательств на Зубарева В.Г. собрано недостаточно, в целях установления мест хранения наркотиков и задержания его с позорным проведением оперативной комбинации Под видом «кушан» — оптового приобретателя — в разработку введен молодой оперативный работник из Грузии лейтенант милиции Тейня Г.П., которому под контролем 7-го отдела и приведенной в бою готовность группы захвата удалось вместе с Зубаревым посетить несколько адресов, где подельник брата Мананова у своих проверенных «связей» хранит ценные партии наркотиков. Чтобы войти в доверие Тейня принял наркотики.

После этого операция была илано свергута: Зубарев и его люди задержаны

В ходе массированных обысков у них изъято морфина, гашиша и опиума на сумму более 5000 рублей. Сам Зубарев арестован и направлен в

тех работников МПД в конце января 1989 года вновь сформирована бригада следователей и оперативных работников

Руководитель и часть группы под документами прикрытия в качестве туристов поселились в Чимкенте, остальные, в целях конспирации, находились на постоянной связи,

РЕМИШЕНЩИКИ-3

Элла меланхолично смахивала заскученую кровь с моего лица и задумчиво сетовала, что-де новая итальянская куртка «Ритто» видимо, не отстирается вовсе. Регистрация на наш рейс уже закончилась, но Крошка сумела устроить все лучшим образом. (Миллиния аэропорта ее похитила еще с тех давних пор, когда она остановила пукавший ей самолет на взлетной полосе, после чего двое пьяных сержантов вытаски ее — беременную на

окупить дорожные расходы да и интересным друзьям обещала динго») Они искали и нашли. Мне же досталось по-тому, что «репортёр и мент» — примерно одно и то же. Умурился в неподходящий момент оказался в неуютном месте

К весе Крошка рвала за море к своим мужьям фиктивному и настоящему, жившему в соседней стране Говорит, выезжает сейчас в Ленинград на роскошной модели «вольво», «там» стала модной портретисткой, которой позируют королевские особы.

Того, с хитрым орлиным взглядом, я встретил следующей осенью в квартире известного московского плембоя и наркомана по прозвищу Замок (родители его работают на Западе, и четырехкомнатные апартаменты на улице Горького давно превратились в славный притон, ху-

НА "ДИКОГО"

братя Скрипак ржетируют Елену Горкоенко и ее мужа Добыча, золото, 40 граммов морфина и ровно в его раз больше рублей.

2 февраля 1989 года четверо чимкентских ржетируют выбрали из Михаила Горкоенко новую мзду — 44000 рублей и, чтобы поставить в «семейной истории» точку, задушили инвалида Машину убитого сожгли. Они не знали, что к этому времени за Еленой уже велось круглосуточное наблюдение.

ЭТАП-2

В конце ноября 1988 года была сформирована бригада следователей и оперативных работников, которая под руководством Прокуратуры СССР провела обыски в домоладениях чимкентских мафиози, организаторов сбыта морфина, — братьев Мананова Р.А. ранее судимого за убийство, Мананова А.А., дважды судимого за сбыт наркотиков и Зубарева В.Г., судимого за сбыт. Все, в силу ряда обстоятельств хорошо осведомлены об оперативно-розсыльной деятельности органов внутренних дел, но тем не менее успешно задержаны

При обыске у Мананова Р.А. изъяты вещи и деньги, полученные за наркотики (на сумму 25000 рублей) Наложив арест на дом (недавно приобретенный за 50000 рублей), автомашину ГАЗ-24. Мананов арестован и этапирован во Владивосток Следствием доказано что он действительно жил в Приморском крае Воробейчику М.А., Каваршешко В.П., Денисенко С.И. Лоскутовой М.Д. суммо морфина на сумму более 60000 рублей

Тбилиси.

Действия оперативно-следственной группы, как и следовало ожидать, спугнули местных наркодельцов. По поступившей через осведомителей информации, они резко прекратили свои грамотные проработанные операции, многие вообще выехали за пределы области. Из-за этого «взлета добычи» было принято решение о немедленном отъезде сотрудников группы.

В процессе длительной и тщательно срежиссированной работы с арестованными Манановым Р.А. во Владивостоке и Зубаревым В.Г. в Тбилиси «применением всего арсенала способов и методов оперативно-розсыльной деятельности органов внутренних дел» была получена оперативная информация о приобретении ими порошка морфина у аппаратчицы Лены Горкоенко.

ЭТАП-3

На заключительном этапе задержания и процессуального документирования расхитителей деятельности расхитителей наркотиков (предполагался выход через Елену на дру-

жившая в соседней республике (Ташкент).

За Еленой Горкоенко было установлено круглосуточное наблюдение. Но тут в ход операции ввез коррективы «Дикий» и его команда. (Впоследствии установлено, что убийство Михаила совершили жители Чимкента — Анарметов, Добрынин, Мошкарев, Кузьмин, которые знали о том, что супруги Горкоенко занимаются сбытом морфина.)

План действий оперативно-следственной группы меняется. К проведению облавных мероприятий подключены силы и средства УВД Чимкентского облисполкома и в течение трех суток проведено задержание основных расхитителей и сбытчиков наркотиков — Горкоенко, ее сожигателя Лазаренко, а также руководителя подпольного наркобизнеса Ирismetова.

Дожевственно организованным бардаком «напоминающий включенные прищепки арбатских путан».

Хозяин настойчиво приглашал меня «просесть в зеленую» (покурить гашиш) или просто «потусоваться». Я лешво отнекивался и вдруг увидел орлинолицего, выходящего в кухонный коридор.

— Мурад, — протянул он мне руку, равнодушно скользнув бритвенно-острым взглядом по лицу, в которое несколько месяцев назад свирепотыкал стволом тяжелого пистолета.

Неужели не узнал? «Отрепанншить» свое лежачее унижение, тогдашнюю слабость и бесславие я был обязан.

Ударил, как учили, почти без отмашки, прямым сингу в калык...

Когда меня, матерясь, оттащили от Мурада, бледная лицом подруга Замка побеседовала со мной в просторной родительской спальне.

— Ты знаешь, к чьему внуку он приехал в Москву? — округляла она подкрашенные зеленым глаза. — Ты хоть помнишь, что нас всех теперь могут зарпосто расплатить? Из-за тебя! Каратист сканьш!

Я ушел.

Но я знал, что увижу, непременно увижу эти орлиные глаза далекого торговца «белой смертью». В третий раз. Кто он такой и что сбегит, я представлял хорошо из рассказов Эльвиры.

Псевдо-Мурада с орлиным взором я увидел на фотогаблице № 2 «чимкентского дела». Подпись: Т. О. Ирismetов («Дикий»).

восьмом месяце! — изнашивать в «дежурке».)

От печально голубых аэрофлотских цыплят мы вяло отказались: Элла из-за легкого пристрастия к молотому тогда наркотику под кокетливым названием «фея» ела очень мало; а у меня кровоточили разбитые губы и качался неподвижный зуб.

Очень красиво покуривая богатый и плотный «косяк», моя несравненная буднично мне объяснила, что эти двое, из аэропорта, вовсе не пытались зло покуражиться над ее честью. Они искали наркотики, которые она, как выяснилось, перевозила обычно на себе. («Понимаешь, чтобы

ЦИТАТА-1

«Организация или содержание приговора для потребителя наркотических веществ или предоставления помещений для тех же целей наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой» — ст. 226¹ УК РСФСР.

Травится только по-взрослому, но перауменьшено, а секрет настоящего «кабаре» прост: лучше побольше заплатить, потому что честная, дорогая «продукция» оценит душу и тело. Браться не смогу? А зачем мне браться? Какой смысл жить без настоящего удовольствия? Я хожу от этой милой испанки, самоубийственной Эдиповой позы, хотя не верил ни одному слову, она была актрисой с божьей искрой.

Наркоманы своему образу жизни придумывают целую систему оправданий. Они верят. Это Версаль, Стю П. — это особенно настойчиво подчеркивают «спешивисты» наркоманы обращают в свою пользу друзей. И не прощайтесь с друзьями.

БЮКЮНТ-1

В последние годы о наркомании много говорят и пишут. Нишу осуждения, кляня на социальные предостыжики. Не по той ли причине упрели в адрес общества «распихивать и лезковены»? Конечно, так проще. И в «перестройках» ходили, и никому дорогу не перебежал.

В чем привлекательность наркотиков? Помимо всякого рода религиозных традиций и нравов — распространение наркотиков мода. Быть наркоманом сейчас куда престижнее, чем алканом каким-нибудь. Это — загадочно, где-то даже романтично и многообещающе. Ах, Крошка-Крошка... Запретный плод сладок. Особенно если он — в моде. А горючки и мурлыки на этой моде делают «бабки».

«За последние два десятилетия злоупотребление наркотическими средствами как природными, так и синтетическими — распространилось в широких масштабах. В настоящее время оно затрагивает практически все страны и угрожает всем слоям общества, включая молодежь и даже детей» (Из резюме Экономического и социального совета ООН по докладу Международного комитета по контролю за наркотиками.)

Это беда с ярко выраженной личностной основой. От характера общественных отношений если и зависит, то — косвенно. По моему мнению, человек страдает не столько от социальной дисгармонии, сколько от неладов в семье, на работе и просто от внутренней пустоты. У одних это выплескивается в агрессивное отношение к окружающим. У других же личная душевная неустроенность обращается попыткой забыться «по примеру друзей».

«Склонение к потреблению наркотических веществ наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. То же

делание, совершенное в отношении двух или более лиц либо несовершеннолетнего... — до десяти лет» — ст. 224 УК РСФСР.

Кстати, «бродячая сестра» наркомания — токсикомания — порождает еще и озабочивающую специалистов разновидность драгивой «пронаниды» токсикоманы со стажем первой силой заставляют ребят номталинг «шмотать». И как за это карать — непонятно. Поэтому что формально за «распространение и сбыт» всяких аэрозоль, мази и клея наказывают в кодексах не предусмотрено.

ЦИТАТА-2

«В начале февраля с.г. создана следственно-оперативная группа прокуратуры Чимкентской области в составе 6 следователей и 11 оперативных работников уголовного розыска и БХСС УВД Чимкентского облисполкома».

В ходе расследования процессуально закреплена преступная деятельность Красковой Н. В., аппаратчица ХФП, которая регулярно похищала морфин и реализовывала его Горковенко Е. Г. и Диевтову Б. Арестовано милиционер отдельного дивизиона по охране ХФП Волкова Т. Г., которая, являясь соучастницей Красковой в хищении морфина, реализовывала его жителю Чимкента Турусметову А. А.

В целом МВД Грузинской ССР, прокуратурой Чимкентской области и УВД Приморского края за незаконные операции с наркотиками, похи-

щаемыми с Чимкентского химфармпредприятия, арестовано 37 человек, находится под подпиской о невыезде 6 человек, объявлено в розыск — 3. Задокументировано 28 фактов сбыта наркотических веществ. Раскрыто 1 убийство, 3 вымогательства (ркет) с применением огнестрельного оружия, 6 фактов хранения оружия и боеприпасов.

Преступникам вменяется хищение и сбыт наркотических средств на сумму свыше полутора миллионов рублей (по минимальным ценам черного рынка). Изъято денег и ценностей, описано имущества и автотранспорта почти на десять миллионов.

БЛОКНОТ-2

РЕМИНИСЦЕНЦИИ-4
После более глубокого знакомства с документами я для себя уснул, что Мурад и «Дикий» никак не могут — хотя бы хронологически — быть одним лицом. Самаркандский приятель его уехал весной 1989 года за границу.

Навсегда

Но я и поныне ощущаю — в метро, за столиком ресторана, у аэрофлотских скам, под сводами ГУМА, на стальных площадях и кривых провинциальных улицах, рядом с отделением милиции, за стенами солидных учреждений, ВЗДВ его ненавидящий пронзительный взгляд.

Имеющий глаза да увидит...

Евгений ДОДОЛЕВ

МОТИВ — НАРКОТИКИ

Как сообщалось уже в печати, в Москве по приглашению Министерства юстиции СССР с рабочим визитом находился министр юстиции США Ричард Торнберг. Вместе с ним работали группы американских экспертов, которые изучали возможности будущего сотрудничества. Важнейшее направление этого сотрудничества — борьба с наркотизмом, терроризмом, организованной преступностью и охрана окружающей среды. Во время рабочей встречи в Министерстве внутренних дел состоялся деловое обсуждение проблем наркомании.

Только к середине 80-х годов мы начали выходить на действительную статистику, — сказал начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР генерал-лейтенант Вячеслав Панкин. — На протяжении ряда лет проблема наркомании у нас весьма замалчивалась. Шесть с половиной миллионов гектаров составляют площади, на которых произрастают разные сорта мака, конопли. Одна лишь печально известная Чуйская долина — это полтора миллиона гектаров... Ежегодно мы ставим на учет около 50 тысяч потребителей наркотиков, а надо — 150 тысяч. Морфинисты составляют менее одного процента наркоманов, 25 процентов употребляют гашиш, 54 процента — маковую соломку, остальные используют различные лекарственные препараты.

На вашем месте я бы отбавился двумя вопросами, — заметил Джек Лон, директор отдела по борьбе с наркотиками Министерства юстиции США, — а именно: проблемой возможного импорта кокаина и опасностью создания домашних лабораторий по производству героина. Очень остро стоит проблема использования лекарственных препаратов в целях наркотического опьянения. В США любой врач или фармацевт, выписывающий рецепт на приобретение лекарства, содержащего наркотические вещества, должен быть зарегистрирован в ДЕА (Администрация по борьбе с наркотиками).

Американцы считают наркоманию одной из самых серьезных проблем, даже более важной, чем проблемы бездомных или распределения госбюджета. Ведь речь идет о будущем нации.

В СССР ежегодно раскрывается 25—35 тысяч преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом, изготовлением наркотиков, — сообщил Вячеслав Панкин. — Причем в подавляющем большинстве это преступления имущественного характера. Однако, чтобы представить себе истинную картину связи наркотиков с преступностью, надо обладать хорошо поставленной диагностикой. У нас этого нет. Более того, у нас всего 900 человек профессионально занимаются борьбой с наркоманией, из них лишь 12 работников непосредственно в МВД. Несовершенна и материальная база.

В США, как рассказал Джек Лон, осуществляется программа, согласно которой задержанные за совершение преступления лица проверяют на факт употребления наркотиков. 70 процентов оказались наркоманами, причем большая часть из них — женщины... Проверка носит добровольный характер, тем не менее цифры впечатляющие. Аресты и приговоры не оказывают значительного влияния на состояние дел. Стоит арестовать одного крупного дельца, на его место тут же встает другой. Речь идет о сотнях миллионов долларов. Деньги — жизнь и кровь преступных организаций. Например, в прошлом году было перехвачено 659 миллионов долларов, принадлежащих организациям, занятым наркотизмом. И что важно отметить, американское законодательство разрешает часть конфискованных средств распределять между правоохранительными органами США, которые проводили расследование. Во время последней акции ДЕА удалось захватить 21 тонну кокаина, доход составил 12 миллионов долларов, 6 миллионов отдала местным органам полиции.

Услышав о миллионах, советские участники рабочей встречи лишь дружно вздохнули. Не пора ли и им перенести по поводу убогой материальной оснащенности наших правоохранительных органов? Время действовать.

МИНИСТЕРСТВО ВнутРЕННих дел СССР

ПРИКАЗ

№ 77 с/о

Москва

О поощрении работников органов внутренних дел

ГУУР МВД СССР, УУР МВД Казахской, Грузинской ССР и УВД Приморского крайисполкома завершен разработку межрегиональной организованной группы обитчиков наркотиков, подпольного Чимкентского лжефармавода, которую возглавлял дельца подпольного наркобизнеса рынее судьяль катель г. Чимкента Ираметов,

В ходе осуществления комплекса оперативно-розыскных и следственных мероприятий установлена и задокументирована преступная деятельность 28 человек, 22 из них арестованы, раскрыто 38 преступлений, в том числе одно убийство, три разбойных нападения, 11 квартирных краж и сбыт наркотических средств на сумму полемиллиона рублей, ликвидирован устойчивый канал контрабанды морфина в незаконный оборот. У преступников изъято холодное и огнестрельное оружие, конфисковано и описано денег и ценностей на 230 тысяч рублей.

За активное участие в раскрытии ряда особо опасных преступлений, проявленное при этом высокое профессиональное мастерство, инициативу и настойчивость —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В соответствии со статьей 16 Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел присвоить, а равно повысить классный чин: "пропорционально"

Министр генерал-лейтенант *Басалин* В. Басалин

От редакции:

На Западе, где опыт борьбы с наркомафией накоплен предостаточно — вплоть до сражений с применением боевых вертолетов и мотострелковых частей в тропических лесах Колумбии, — давно практикуется ПРЯМОЕ поощрение. Часть средств, изъятых у торговцев «белой смертью», оборачивается спецфондом для награждения тех, кто рисковал своей жизнью в борьбе с мафией. Сотни тысяч рублей поступили в доход государства после окончания «чимкентской операции». Почему нельзя сорок ила, допустим, тридцать процентов этой суммы оставить в Чимкенте: пусть на архивнообходимое приобретение спецтехники или —

что лишним никогда не бывает — повышение профессионального мастерства. Поощрять значительными денежными суммами у нас почему не принято (стесняемся? уповаем на ликующую энтузиазм?). А зря ся. Вот мы и решили в первом номере «Совершенно секретно» объявить о ном розыске белеца, убившего инкассатора. Считаем социально справедливыми передать определенное вознаграждение тем управлениям ВД, думают по этому поводу в самом министерстве?

Однажды (дело происходило в оккупированной фашистами Франции) Бердяев, тулясь по парку, присел на скамейку, уже занятую молодым немецким солдатом. Вежливо осведомившись: — не помешает ли? — философ спросил:

- Откуда родом?
- Из Кенигсберга.

— Так вы — земляк великого философа!

Юноша смотрел на этого странного русского широко открытыми непонимающими глазами. Он никогда не слышал имени Иммануила Канта...

Советскому сверстнику этого солдата имя Бердяева сказало бы, пожалуй, не больше. Выслан в 1922 году русско-религиозного философа за пределы страны, власти «забыли» и о его книгах, надежно упрятав их от любопытного взора. Именно поэтому в 1946 году, после известного акта, милостиво разрешавшего эмигрантам возвращаться на родину, Бердяев занял четкую и недвусмысленную позицию: он поедет в СССР только вслед за своими трудами. В течение почти двух лет к философу ездили сотрудники посольства и уговаривали стать репатриантом, играя на самых священных его чувствах и почти непреодолимом желании еще раз увидеть Россию.

— А что я буду делать в Москве? —

В третьем номере бюллетеня «Совершенно секретно» мы сообщили о том, что Московская штаб-квартира МАДИР выступила с инициативой создания Музея Н. А. Бердяева. О возможностях и перспективах этого начинания размышляет сегодня наш сотрудник А. Вадимов (А. В. Цветков), личная коллекция которого составит основу будущей экспозиции.

Напомним, что пожертвования можно перечислять на счет № 70130634 во Внешторгбанке (с пометкой «в Фонд Музея Бердяева»). Прислать книги для библиотеки и материалы для экспозиции и архива, а также письменно обращаться по всем вопросам, связанным с организацией Музея, можно по адресу: 119021, Москва, Зубовский бульвар, 4, АИИ, Московская штаб-квартира МАДИР.

квартиру или культурный центр?

Ситуация, в которой сегодня находится наследие русских религиозных философов, сложна и противоречива. В чем-то — даже парадоксальна. Судите сами.

Темы издания вчерашней «красной» форсированы, и из самых грубых подсчетов явствует, что через десяток лет почти все, принадлежащее отечественной идеалистической традиции, будет передано. Между тем такое ответственное дело, как подготовка текстов, великом ложится на советские отдельные исследователи (весьма немногочисленные, кстати). В стране нет учреждения, которое по отношению к

И именно то обстоятельство, что на сегодняшний день в стране нет учреждений, способных взять на себя хотя бы одну из перечисленных функций, говорит в пользу попытки их совместить. Например, путем создания музея Бердяева. (Название, впрочем, может звучать и по-другому. Научно-исследовательский комплекс. Философско-культурный центр. Или же музей русской философии имени Бердяева.)

Но почему — именно Бердяева?

Дело в том, что этот мыслитель сейчас воспринимается как центральная фигура русской философии. Задним числом трудно определить, почему получилось так, а не иначе, почему даже

тогдашней широкой доступности (в узких кругах) его книг, а в многочисленных запретах на них и еще, пожалуй в обилии «критических» исследований. В годы стагнации в нашей стране были написаны десятки статей, посвященных Бердяеву, защищены шесть диссертации о нем и даже выпущена книга, разоблачавшая скрытую связь философа с транснациональным капиталом и многочисленными зарубежными подпольными центрами.

Тот интерес к Бердяеву, свидетелем которого мы являемся сейчас, молодой уже не назовешь. Его философия потеряла сладость запретного плода но ее свою огромную притягательную силу. Подлинную философию не убивают ни запреты, ни доступность.

Помочь удовлетворить всевозрастающий интерес к наследию отечественных философов призван Музей Н. А. Бердяева.

Могут спросить, почему с инициативой его создания выступила Московская штаб-квартира Международной ассоциации десекстингов и политического романа. Едва ли нужно доказывать свое право на благотворительность.

Можно предположить, что Государственный литературный музей со временем откроет свои филиалы, посвященные философам-интергерам

ПРОТИВОЯДНЫЕ ОТ ЛЖИ

спрашивал мыслитель очередного полумогучего советника.

— Писать, как и здесь, — отвечал тот строго в соответствии с полученной инструкцией.

— И будут меня там печатать?

— Не сомневайтесь! Конечно, будут спорить с вами, по возможности печататься вы получите.

— Так вот что, — подытоживал разговор Бердяев, угломленный и смущенный лицемерием собеседника. — Когда я буду знать, что мои книги, те, что написаны тут, в эмиграции, распространяются в России, продаются свободно в книжных лавках, допущены в народные библиотеки, тогда и поеду...

«В Россию он не поехал, — записал после смерти философа, последовавшей в марте 1948 года, Борис Зайцев. — Книжки его там под полным запретом».

Через сорок лет после этого (и через семьдесят — после выхода последней книги Бердяева в России) его труды начали возвращаться к соотечественникам. Сначала в виде робких журнальных публикаций, затем — томов. Однако автору их уже не суждено увидеть родину. Его последние пристанищем стало тихое кладбище в Клямаге, предместье Парижа.

И теперь раздаются голоса, предлагающие торжественно перезахоронить Бердяева на престижном московском кладбище. Но эскуманция, если таковая состоится, способна разве что привести к справедливому осуждению его инициаторов. Людям, считающим себя цивилизованными, приличнее довольствоваться горстью земли и вестком с могилы. Но и эти скорбные реликвии не должны храниться в небрежении. Место им в музее.

Но не станет ли его создание своего рода перезахоронением останков? Каким быть музеем, что задумывать и воплощать — строго мемориальную

философию хотя бы отдаленно напоминало то, чем является Пушкинский дом для историков литературы.

Не приходится говорить о каком-либо серьезном воспроизводстве кадров исследователей: молодому человеку, окончившему философский факультет университета, даже почитать первоисточник практически негде.

Проблема специализированной библиотеки, естественно, касается не только студентов. Даже то, что выходя из печати сейчас, где-то должно целенаправленно собираться. При этом необходимо учитывать довольно страшную ситуацию: книги Бердяева, Булгакова, Шестова (многотысячные тиражи) свободно распространяются через книготорговую сеть и по подделкам, но эти же книги (единичные экземпляры) в крупных библиотеках до сих пор не выпущены из спецхранов.

Нужны курсы, слушатели которых получат различные навыки — от умения работать с философской литературой до свободного чтения перекривонославянских. Нужны залы, в которых будут регулярно проходить симпозиумы и конференции, читаться лекции, проводиться выставки, посвященные русским философам.

Наконец — научное учреждение, которое квалифицированно подготовит тексты и комментарии, займется составлением библиографических указателей и летописей жизни и творчества.

Все это необходимо, но не утопия ли — пытаться организовать симбиоз музея, научно-исследовательского института, библиотеки, лектория и издательства?

Вопрос серьезный. И окончательный ответ можно будет дать только тогда, когда посетители придут в экспозиционные и выставочные залы, библиотеку, лекторий, а на прилавках магазинов появятся книги, подготовленные в научных подразделениях музея.

Владимир Соловьев, хорошо известный западному читателю уже в прошлом веке, сейчас уступает по своей известности Бердяеву. Может быть, дело тут в проблематике, может быть — в необыкновенном моральном пафосе бердяевского философствования. Не исключено, что свою роль тут сыграли человеческие свойства мыслителя. (Так, поведение Бердяева на допросе у Дзержинского Солженицын считает примером гражданской доблести.)

Важно помнить, что отечественная мысль выдерживает только одно деление: на замкнутую, механически перенесенную с Запада (Белинский, Чернышевский, Писарев и их эпигоны), и самобытную, хотя и органически впитавшую вершины мировой мудрости, философию. Это идеалистическая традиция. Внутри нее есть разнообразие тем, подходов, решений одних и тех же вопросов, но она требует комплексного изучения.

Для поколения, к которому принадлежит автор этих заметок, произведение Бердяева были противоядием от лжи в философии и истории, фальши в литературе и искусстве. Обман и показуха достигли своего апогея к началу восьмидесятых. Но и книги Бердяева к этому времени разошлись (в самиздате, естественно) в тысячах экземпляров. Они выглядели по-разному — от слепых пятых экземпляров машинописа до двухсторонних ксерокопий, поставленных на черный рынок уже переплетенными, чуть ли не с золотым тиснением. Подпольные типографы несомненно получали неплохие дивиденды, но — земной им поклон, могли бы ведь издавать и менее «опасную» литературу. Так появлялась отдушнина в наглухо, казалось бы, задрасненной крышке.

Обратной стороной медали стала мода на Бердяева, истоки которой, впрочем, коренятся не в относительной

Вл. С. Соловьеву, В. В. Розанову, Д. С. Мережковскому; Русская православная церковь создает музеи мыслителей-священников П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова; Государственная библиотека имени Ленина — философа Н. Ф. Федорова, некогда библиотекера Румянцевоского музея. Бердяев был человеком, всецело посвятившим себя персоналистической философии, то есть борьбе за образ Божий в человеке, созданию и защите личности каждой личности.

Борьба за человека является истинным продолжением бердяевской традиции. Одна из задач нашей организации — быть на переднем крае этой борьбы, там, где Господень образ наиболее попираем — среди «митарей и грешников». Но если это соображение покажется неубедительным, вспомните «Преступление и наказание», классические образцы сочетания криминального сюжета с глубочайшей философией.

И последнее, традиционное замечание — о социальной значимости проекта. Вроде бы с этим все ясно, ведь только безумный не понимает, что тут, что идет в церковь или читает философские книги, вряд ли станет убивать и насиловать. Только безумный. Но кто в таком случае семь десятилетий тлелся над религией, взрывал храмы и жег книги, в которых написано о Боге?

Музей Бердяева — воссоздание только малой части поруганного и обделанного. Но это и реализация упущенной, казалось бы, навсегда возможности возвращения Бердяева вслед за его книгами на родину.

В ОДНОЙ
КАМЕРЕ...

ДВА ГОДА

С

БЕРИЕВЦАМИ

О. ВОЛЧИН

Из шести с лишним лет заключения два с половиной года я находился во Владимирской тюрьме; из них свыше двух лет общался с бериевцами, как с теми: чьи фамилии благодаря Конкаесту и Солженицыну прогремели на весь мир (Эйтингон, Мамулов), так и с известными лишь узким специалистам (Шария, Людвигов). В апреле 1961 года меня посадили в камеру 1-93, где находились Штейнберг и Брик. Эту камеру вывели на прогулку с камерой 1-76, где обитали Шария, Людвигов и Мамулов, а иногда и с 1-80, когда в нее находились Эйтингон и Судоплатов*. Поместили меня туда по оперативным соображениям: словеском «бериевца я, как и всякий в хрущевскую эру, только ругался, они же были безусловно враждебны всякой свободной мысли — следовательно, антагонизм в камере обеспечен, что и требуется «куму» и администрации тюрьмы.

Итак, Матвей (Матус) Азарьевич Штейнберг — высокий, крупный, но искуданный мужчина с наголо обритой головой и старательно (дважды в сутки) бритым лицом. Лет 60. Общее впечатление — цинизм, выпирающий извивом губ, движением бесцветных глаз, даже каким-то поворотом ушей. И это впечатление цинизма подтверждалось практикой общения с ним. Короткое время он был в недоумении: как со мной обращаться? Сделал было попытку — как с подчиненным, как со шпаненком, который с печеным и сахар выносил Штейнбергу парашу и вообще «шестерил». Не вышло — не моргнув глазом сменился на изысканную вежливость. Значительную долю времени совместно пребывания мы с ним общались исключительно на французском языке: он говорил легко и гибко, а я напряженно и с ошкибками, но не хотел упускать случая попрактиковаться. Еще он вполне владел испанским и итальянским.

За что Штейнберг сидел, он никогда не рассказывал. Собственно говоря, такая постановка вопроса рассмешила бы его. Он прекрасно усвоил, что сажают не «за что», а «для чего» — для того, чтобы не мешал кому-то. Так вот, кому именно он мешал, он не распространялся. Вообще, подобно Эйтингону, он о политически значимом прошлом почти никогда ничего не рассказывал. Порой он напрямку гнал: выдавал себя за генерал-полковника, по какому-то поводу Брик шептал мне, что Штейнберг всего лишь полковник. Намекнул, будто арестован с должности нач. Якутского КГБ. Но в иных случаях его рассказы подтверждаются проверкой.

С полной уверенностью можно сказать, что Штейнберг никогда не был и генерал-лейтенантом, что он не начальствовал в Якутском КГБ, хотя исключать недельное пребыва-

ние в должности пома или зама нельзя. По словам Мамулова, Штейнберг последнее время работал в Разведупре Министратва обороны, и арест его (в 1956-м, как и говорил Штейнберг) был как-то связан с Венгрией.

Начинал он свою карьеру в двадцатые годы. Часто вспоминается с приятным воспоминанием — с наслаждением stalkвал крупными коней людей в реку. Речь шла о блокировании одной из демонстраций троцкистов в 1927-м, а река была Фонтанка или Мойка в районе Марсова поля. Смаковал он также и последнюю фразу Блюмкина, которого расстреляли в 1929-м: «А о том, что меня сегодня расстреляли, будет злорадно опубликовано в «Правде» или «Известиях!» Повторял он ее так часто, что создавалось ощущение его личной причастности. В 30-е годы он уже работает в том гибриде Наркоминдела и Наркоминдела, каким был IV отдел НКВД, ведавший внешнеполитическими операциями. Самое светлое время его жизни — работа (т.е. аресты) в Испании в 1937—1938 годах. С каким наслаждением повествовал он, как они вместе с Эйтингоном жгли рукописи некоторых советских и испанских коммунистических деятелей, когда тем грозило попасть в руки франкистам (Эйтингон никогда не обжаловал таких эмоций). Мы как раз тогда читали «Люди, годы, жизнь» Эрзенбурга — это и послужило поводом к беседе, во время которой Штейнберг сказал мне, что «Котов» у Эрзенбурга и есть Эйтингон. В 1953-м он был смещен с прежнего поста, его стали тасовать, вплоть до Якутии, как он говорил, а в 1956-м — арестовали. Была у него куча влиятельных родственников и знакомых, он был вполне обеспеченным человеком, издавна привыкшим, как к воздуху, к своей обеспеченности и уже не заботившимся о ее поддержании. Избегал пользоваться советскими изделиями, пристрастившись к заграничным.

По тюрьме ходили слухи, скандализованные потом в книге А. Марченко «Мои показания», будто бы бериевцы жили в роскоши и фаворе у начальства. Это неверно. Я могу насчитать только три бесспорных преимущества, которыми на самом деле пользовались обитатели этих камер:

1) Право на вежливое, всегда корректное обращение. Это право надо понимать всегда в широком смысле: например, в том, как производились обиды. Отношения базировались на доверии — не столько на доверии, что у нас нет запрещенных вещей, сколько на доверии, что мы ими не злоупотребим (например, никто из нас не станет скрывать себе вены). Поэтому их не очень-то искали. Приезжие из Москвы начальство укоризненно указывало начальнику 1-го корпуса: «Шупляк, слишком много бритых!» (Ведь в тюрьме не бреют, а стригут машинкой.) Тот ежился, присылал со шмонен сер-

жантов. Но Штейнберг развивал изощренную дипломатию, подкупал надзирателей, и те закрывали глаза на наличие в камере лезвий (исключительно «Жиллет») и зеркал.

2) Право на книги.

3) Бериевцы лучше всех нас знали реальную структуру тюремного управления, кто на кого может выходить? Это они знали еще до того, как их посадили. Они знали, кого и о чем и как имеет смысл просить, когда подавать жалобу целесообразнее всего, а когда надо промолчать. Они оказались в своем собственном мире, который они же и построили, а все прочие — попали в чужой, непонятный, порой вовсе непостижимый мир. И это преимущество знания в высшей степени облегчало их судьбу.

В конце 1965 года Штейнберг написал жалобу, по которой Военная Коллегия Верховного суда отменила ему статью 58-1б и снизила срок заключения до отбытого. В январе 1966-го его освободили, и с того времени он живет в Москве.

Евгений Брик, подобно Штейнбергу, не был бериевцем в полном смысле, хотя тоже был гебистом. Общение со Штейнбергом помогло установить мне контакты с бериевскими функционерами, общение с Бриком — нет. Поэтому, строго говоря, к теме он отношения не имеет, но упомянуть стоит. Сам он называл себя сержантом, а Штейнберг шептал, что Брик — минимум капитан и родня Брика, фигурировавшим в биографии Маяковского. В свои 20 лет (к 1940-му) он, учившийся в одной школе с «детям» Ярославского (проговаривался кое-какими подробностями кутежей и бесчинств этого круга, чаще в беседах со Штейнбергом, а не со мной), стал штатным стукачом. Квартира его использовалась для конспиративных встреч сексотов и в качестве места осуществления провокаций против намеченных жертв. Похоже, что первый раз у него шевельнулись некие эмоции изумления: «Да разве ж так можно?!» — но они быстро выветрились, и деятельность его стала ему представляться естественной столбовой дорогой. Фронтовых воспоминаний у него не обнаружено. Зато он был послан в США, где работал долго и успешно. Английский знал в совершенстве, хотя читал мало и не желал бесплатно практиковать меня в английском. Он полюбил Штаты несравненно больше выплачивавшей ему зарплату Родины, пропитался их духом, и от него первого вдохнул то дыхание американской свободы и американской амбиции, которые так чудесно переданы Бернштейном в «Вестсайской истории». Он мог запросто остаться в США, но был беззудно влюблен в свою жену и возжелал привезти ее в Штаты тоже. Для чего в очередной раз в СССР стал подготавливать ей побег, что заметила его мать и в духе лучших традиций донесла. Его посадили (около

1956-го), жена почти тотчас развелась с мужем-изменником, а мать за гражданскую доблесть приобрела право на две дополнительные пенсии: передачи сыну (когда они стали лимитироваться, т.е. со второй половины 1961 г.). Вот единственное превышение норм передач, которое имело место у бериевцев, да и оно оформилось как «поощрение» Брику за работу — он устроился уборщиком по коридору. Вообще, он очень тосковал в камере, рвался на любую работу с выводом из нее, мечтал о переводе в лагерь. Разумеется, он стучал, причем даже не слишком скрывал это в принципе, но никогда не создавался в конкретном поступке. Порой он был готов и по собственному почину оказать услугу, неперменного желания напакостить у него не было, но отсутствовали некоторые органы моральных чувств. В отличие от Штейнберга он не имел прочного тыла на воле. Деньги, хотя и были, были свежеприобретенные, и он мучился вопросами дальнейшего их приобретения, покупки на них себе домика и т.п. Каждые полтора месяца бухгалтерия тюрьмы погашала в сберкасках выигравшие облигации Брика по 3%-ному займу и приобретала на выигрыш новые облигации — переписка на сей предмет составляла весомую часть жизни Брика. В конце моего пребывания в тюрьме, оказавшись с ним вдвоем (после ухода Штейнберга нас с III этажа спустили в двойник на II этаж), мы возненавидели друг друга (скорее всего, повинен был я, с января возбужденно ждавший итога ходатайства Келдыша — Твардовского и напрыгавший всю силу воли, чтобы запретить себе «пустую надежду»). Однако то же до драк, но даже до непарламентских выражений у нас никогда не доходило.

В 1964—1965 годах Брика перевели-таки в лагерь.

Две другие койки в 1-53 заполнялись с калейдоскопической быстротой и к тем отношения не имеют, разве лишь потому, что из них Штейнберг подбирал себе шестьерок.

На прогулке же мы ежедневно встречались с обитателями 1-76, являвшимися бериевцами в прямом смысле этого слова: начальник канцелярии Л. П. Берии Людвигов, начальник мест лишения свободы генерал-полковник Мамулов (Мамулягин), секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде и агитации Шария, а также забытый мной по фамилии еврей-полковник (вропочем, Штейнберг являл, что он подполковник и не имеет права носить генеральскую папаху, которую тот надевал даже в теплые дни), арестованный в 1951-м за незаконное опробование химикатов на людях. Этот освободился к зиме 1961 года и запомнился мне

* На вопрос, зачем он русифицировал фамилию, Мамулов честно отвечал: «Товарищ Сталин не любил армянских фамилий, вот я и поменял».

* Цифра 1 означает № корпуса.

только своим окриком 12 апреля 1961 года, когда все ликовали по поводу запуска Гагарина в космос: «А вы почему не улыбаетесь? Вам не нравится достижения Советской власти?»

Противовесом этим четырем в камере находился Симон Лезанович Гогриберидзе. Как он начал в свои 20 лет борьбу за независимость Грузии в рядах социал-демократии, так до конца жизни остался верен этой борьбе. От этого высокого жизнерадостного старца с седыми висками вепо чистой и детской преданностью идеалам. Эмигрировав в 1924-м, он время от времени нелегально наезжал на родину, поддерживал, как он рассказывал, нелегальные с.-д. ячейки. В 1940 и 1942 годах Н. Жордания дожды командировал Симона проинструктировать подпольщиков в связи с Гитлером. В 1942-м он учил: «Сейчас мы должны забыть все измыслы. Не время бороться с большевиками. Надо спасти физическое существование России — хотя бы ценой поддержки Сталина». На обратном пути он попался, приговорен к 25 годам, одно время сидел в Шульгинным, вместе с тем освобожден летом 1956-го (вспоминал, как сломался Шульгин к тому времени сравнительно со своей несгибаемостью 1949—1951 гг.), после востанья в Венгрии его известила прокуратура, что освобожден он был по ошибке, и его вернули во Владимир досиживать. Предлагали даже, как дал Шульгин и один грузинский с.-д., подписку неопределенно-отражающегося толка, но Симон это отверг. В 1967 году освобожден, в 1969-м получил советский паспорт и работу переводчика при Тбилиском университете (кажется, помогал ему К. Гамсахурдия). Тогда я видел его в последний раз, в в сентябре 1970-го мне пришла телеграмма о его смерти, но я уже сидел в Камерской тюрьме. От общения с ним делалось светлее, будь то в тюрьме, будь то на воле.

Мамулов — ровесник Гогриберидзе — подвевал в Абхазии то самое востанье, в котором Симон последний раз пытался отстоять независимость своей родины. С тех пор Мамулов подвизался в чехословацком партийном аппарате рядом с Берией, став после войны начальником ГУЛАГа.

Вот его послужной список: родился в Тифлисе в 1902-м, член КП с 1921-го, в РККА в 1921—1923 годах, на парторботе в Абхазии в 1923—1927 годах, в аппарате ЦК КП Грузии в 1927—1931 годах, на руководящей парторботе в Казахстане и Днепрепетровске в 1931—1934 годах (только эти четыре года он не при Берии), в Закавказской Контрольной комиссии в 1934—1936 годах, с 1936-го член ЦК КП Грузии, в 1937-м зав. отделом руководящих органов ЦК КП Грузии (тот пост, который в ЦК ВКП(б) занимал тогда Маленков) и третий секретарь ЦК КП Грузии. С 1939-го он в НКВД СССР, 26.04.40, когда ему вручается орден Красного Знамени, он имеет звание старшего майора госбезопасности, а 24.02.45 он комиссар госбезопасности третьего ранга и получает орден Отечественной войны I степени. С 09.07.45 — генерал-лейтенант, с 11.04.46 — зам. министра ВД СССР и начальник ГУЛАГа. 14.04.53 сразу же после реабилитации посаженных по мингрельскому делу и по делу врачей-убийц волидится в состав Бюро ЦК КП Грузии. Когда присвоено звание генерал-полковника, не знаю.

3 июня 1953 года был послан Берией с некой инспекцией партордров для подгоговки внеочередного, XV съезда КП Грузии, на котором Берия собирался публично закрепить начальную реабилитацию (вроде того, как во востанье на масштабе делал это Хрущев на XX съезде КПСС). Не успел он прибыть в Грузию, как его нестигла телеграмма от имени Берии — подполковник — с приказом срочно вернуться. Выход из самолета на военном аэродроме, он попал в объятия своего фронтowego друга, тоже генерала: «Сколько лет! Вот радость-то встретиться!» — но на объятий

вырваться уже не смог, ибо к двум генеральским рукам присоединилось несколько пар неизвестных в первую очередь пишущих его пистолета. Но только сцену ареста, но и все обивание и осуждение Мамулова рассматривал как предательство и весь был пропитан холодной ненавистью и презрением к правящим. При визитах в камеру начальника повораивался к ним спиной — эта горбачивался спина невысокого исхудавшего человека (в котором внимательный взор мог заметить прежнюю дерзость), демонстративно всегда носившего серую лагерную куртку, чистую и заплатаваную, была довольно красноречива. Иногда ни с какими жалобами-заявлениями в Москву и к визитерам оттуда не обращался. Он четко знал, что его жизненный путь поломался из-за интриг Маленкова, которого, как и его начальник Берия, он всегда не любил. Но и прочих, восторжествовавших после Маленкова, он ставил не выше, хотя остерегался отзывать о них с такой прямотой. Читая у Авторханова в «Загадки смерти Сталина» домысли о якобы союзе Маленкова и Берии, я посмеивался и вспоминал отношение к Маленкову Мамулова и других бериевцев. Из рассказов Мамулова — он порой говорил и сам, но лишь под настроение — для меня бесспорно (впрочем, это подтверждается и многими другими источниками), что в последние годы (не мысли!) Маленков находился в самых враждебных отношениях с Берией. Когда после смерти Сталина Маленков и Берия вдруг заходили по кремлевским коридорам в обнимку, заувалились друг другу, то даже шестилетним младенцам в Кремле (как шутил Мамулов, вспоминая кремлевский анекдот, стилизованный под детский разговор) стало ясно, что вот-вот произойдет крупный переворот, что эта притворная любовь разрвется только могилкой одного из них. Надо заметить, что Мамулов, подобно Штейнбергу, стал со мной толковать на эти темы только после того, как увидел, что я знаком с именами и некоторыми фактами из биографии лиц вроде Барамия, Чаркванян, Меркулова, Деканозова, Масленникова, знаю о роли несостоявшегося XV съезда КП Грузии. В противном случае он прошел бы мимо меня с гордым презрением. В отличие от Штейнберга Мамулов не тужился сохранять зламшки высшего света ни в одежде, ни в еде, ни в обращении. Глядя на него, никак нельзя было подумать, что до своего ареста он ежедневно прогуливал на поводке личного крокодила — эту пикантную подробность сообщил или придумал неотомимый сплетник Штейнберг, Мамулов же проговорился куда более важным известием: за несколько лет до моих с ним бесед, когда еще держали в одиночке по мотивам секретности, его раз ошибочно вывели на прогулочный дворик, уже занятый другим секретным заключенным. Остобневая, Мамулов ушел в нем высокопоставленного генерала, которого звали вся страна, который числился, по газетным сведениям, расстрелянным по делу Берии. Тот немедленно отворнулся, спрятал свое лицо, надзирающий заборал на Мамулова: «Выходите!» и вывел его на другой, причитавшийся ему дворик. Ошибиться Мамулов не мог: он куда как хорошо знал этого человека! Фамилия его он отгадывалась мне сразу, как я ни просил и как ни изоцирился в перечисления известных мне фамилий от самого Берии до Рюмина и Рухадзе. Он неспроста жалел, что проговорился: ему казалось, что разглашение такой государственной тайны может отгачить его собственную судьбу. Приговорен Мамулов был именно к тюремному заключению на 15 лет. Ему, как и всем прочим, отнюдь не изменились какие-нибудь нарушения законности, изменчивательства над заключенными и т.п., а лишь способствование продвижению по службе врагу народа Берии П. П.

В день моего освобождения, 27 июля 63-го, началось общая пере-

тасовка камер, и Мамулов был передан в камеру к «двадцатипятилетнику» М., до того сидевшему в одиночке. С середины 50-х годов М. работал при библиотеке, точнее, составлял каталог тюремной библиотеки, для чего в его камеру порциями носили книги, а за это он получал мизерную сумму на ларек. Мамулов питался плохо и похлстился на деньги, а заметив среди книг «запрещенные» — пропил и идейно-политическую бдительность». Ведь библиотека во Владимире была чудесная прежде всего тем, что по ведомственным причинам ее практически не касались изыятия устаревшей литературы» в 30—40-е годы. Я там наслаждался, словно попал в спецдзир, и известны случаи, когда умудренные лагерники специально стремились «попасть во Владимир», дабы «заниматься». Хотя в этой камере Мамулов пробыл меньше полугода (до ноября), его доносы сработали: у М. отнялся кусок хлеба (у него не было никаких родственников-знакомых на воле), а в январе замполит Хачикиян (при мне ст. лейтенант, позже майор) назначил библиотекером Мамулова. Каталог составлен не был, но все сомнительные книги изъяты. Последние ли это подлые дела Мамулова на земле?

В 1969 году Шария и Гогриберидзе мне рассказывали, что Мамулов живет с 1968 года в Сухуми, но когда я в 1974 году попытался его разыскать, я не нашел даже дома с указанным адресом.

Интеллектуалом среди них был Шария (Шария). Издана он был секретером Берии то по науке, то по иностранным делам, а Берия бесподобно умел подбирать людей. О самом Берии Шакин как-то сострил: «Со времени Гутенберга Берия не прочитал ни одной книги, и, пересказывал мне этот анекдот, все бериевцы соглашались с расстрелянным Шакиным: Людвиг дополнял, что, требую от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину. К слову, четко следуя газетным установкам, они Берию иначе как «людодедом» не честили, кто чаще, кто реже, кто сковаз зубы, кто пламенно. Но у Берии был нюх на способности людей (и это отмечали они, отдав дань хуле), и главным его принципом был подбор по деловым качествам. Гарантию же преданности себе он усматривал в том, что объединял на близких должностях друг, взаимно ненавидящих друг друга. Этим в зародыше пресекался какой бы то ни было заговор против него: прежде взаимно донесут. И хотя ко времени знакомства со мной все жизненные грозы уже отшумели для этих бериевцев — уже с десятком лет они находились в тюрьме, — они продолжали ненавидеть один другого, что было заметно.

Но вернемся к Петру Афанасьевичу Шарии. Вот его послужной список. Родился в 1902-м, член РКП(б) с 1920-го. Поступил в Сухумскую учительскую семинарию (1919), но через год оставил ее и стал сельским учителем. В 1922-м командирован на учебу в Тбилисский университет, в 1924-м — в Московскую академию коммунистического воспитания им. Крупской, а в 1926-м — в аспирантуру Института философии Коммунистической академии (окопчил в 1929-г.). В 20-х годах уже преподавал марксизм в московских вузах. С начала 1930-го в Грузии, стал там доцентом, потом профессором университета, где руководил кафедрой истории философии. С марта 1934-го заведовал агитпропом Тбилисского комитета КП(б) Грузии. С 1935-го — зав. агитпропделом, а с 1938-го одновременно и отделом науки ЦК КП Грузии. Делегат XVIII съезда с решающим голосом. После войны до 1949-го или 1950 года — секретарь ЦК КП Грузии по агитации и пропаганде. Член парламентской делегации в Англии весной 1947 года рядом с другим членом — М. А. Сус-

* Борис Георгиевич Мещанин, чья воспоминания вышли в Париже в 1988 г.

ловым при председателе В. В. Кузнецове. Был редактором I (но уже не III) тома собрания сочинений Сталина, и, кажется, ему мы обязаны похвалой Сталина в адрес Ламарка (т. I, С. 301) к чему некоторые биологи воздают триумфальное возвышение Лысенко.

В 1939 году он был командирован ЦК в Комиссию «по ликвидации нарушений социалистической законности, допущенных Ежовым Н. И.» (терминология была почти как в хрущевские времена, только огласка значительно меньше). Рассказывал мне про свою деятельность в этом «Малом Реабилитансе» в 1939—1940 годах, Шария не напирал на все. Он скорее просто упоминал про этот факт, но не рисовался я-де хороший, только и делал что реабилитировал невинно пострадавших. Нет, для него это был просто не очень важный эпизод — и уже почти вовсе не интересный. Интереснее для Шарии было познание мира. Владея подлюньюю европейскими языками он внимательно читал все имеющее отношение к философии. Он знал Карнапа и Леруа в подлиннике. Он читал Дирака и Фантаппи, а ведь это не только английский французский и итальянский языки — это сложнейшие формулы теории групп римановой геометрии и матричного анализа. Читал он не как профессиональный математик... а как философ-примечательный марксистский подходом. Когда я позволил себе насмешливый отзыв о «ленинском определении материи», сказал: «то прелестная фраза столь же гонимая в определении, сколько такое «определение» паровоза: «Паровоз — это продукт технологически развитого общества, данный нам в ощущении, он не на шутку огорчился, мнящая на три или четыре перестал со мной разговаривать и даже здороваться, написал один-два доноса оперу и мучился, лишая себя общения со мной — наиболее интересным ему собеседником — и книг, получаемых мною. Время затянуло раны, контакты возобновились, но он просил не затрагивать больше вопросов на которые, как коммунист, он будет резко реагировать».

В НКВД Шария проработал недолго: Вскоре он стал секретарем ЦК КП Грузии. Естественно имел замок, и даже не один, а минимум два как сплетничавший Штейнберг. Замки были конфискованы: но до самой смерти у Шарии помимо квартиры неподалеку от Тбилисского университета была недурная дача под Тбилиси. Был он и академиком Грузинской АН гордился редакторством собрания сочинений Сталина.

Шария был арестован в 1952-м (вместе с Барамия и др. «мингрельцами») по личному телефонному звонку Сталина мимо Берии Утверждал, будто на допросах единственный из всех ничего не признал. Про пытку умалчивал. В марте 1953-го по личному приказу Берии освобожден, принимает активное участие в созыве XV съезда Грузии, а 26 июня 1953 года вновь арестован. Видимо, с учетом предыдущего заключения ему определили только 10 лет и он освобожден за месяц до меня по концу срока. Ему вернули профессорское звание (но не звание академика, кажется) и он читал в Тбилиси популярные лекции вроде «Есть ли судьба с точки зрения марксизма?». В камере одевался в казенную одежду, но казенную баланду и хамсу но, однако его шокировало, когда на прогулочном дворе сморкался пальцами а не в платок. Низенький плотный почти круглый несмотря на хвзатку питания, с коротко остриженным ежиком. Голоса не возвышал, потому мне не верится в слова будто бы «Шария и Мамулов дрались из за гильки».

Начальник бериевской канцелярии Людвиг захлестал от принудительного общения с врагами народа. Он твердо знал, что он единственный в камере и даже во всей тюрьме осужден ошибочно. Что он — преданный коммунист, которому не повезло, попал на работу к заклятому врагу народа людоеду Берии (но

ведь он же из выбрал себе место работы и подчинился распоряжениям партии! Все его соображения в ту же палату сосланных в Среднюю Азию секретарей Берия, равен так и прочие страсти и орудения бериев действительны были перемещены извергами и шлободина а он случайно загасил среднюю палату и оркестры по парому их зову и даже без суда. Дажды в неделю он сити гарему сына стихи переписывал о очередной передовице «Правды». Это я говорю буквально, без гробов. Значитвал мне несмотря на то что стрелки на меня доносились в среднем по два после каждой процедуры. Информационно разговаривать с ним было почти совершенно невозможно. И только затравленные глаза, на которых сыпало всю преданность выкрикивал наружу надтреснутый вопрос: «Неужели меня не освободят завтра? Я не могу!!!» — позволяли еще инстинктивно отойти коротышке к роду клепальщиков.

Поблизости эпизод, вмененный ему приговором. Когда в 1947 году Политбюро приняло решение о денежной реформе, было установлено, что напечатанные деньги подлежат обмену в масштабе 10:1, а вклады в сберкассах в масштабе 3:1. У Берия в кафе канцелярии лежало 80 000 личных денег. Он распорядился Людвигу принести их в сберкассу, рассчитывая потерять поменьше (на целых 19 тысяч новыми). Людвиг выполнил поручение, догадался, а чем дело, и заспешил положить в сберкассу и свои собственные деньги. Этот эпизод, квалифицированный как злоупотребление служебным положением, а как экономическое вредительство по заданию уполномоченного агента Берия, фигурировал, по словам Людвигова, у него в приговоре. Уточню, что ни у одного из них я не видел на руках текста приговора.

До зимы 1962/63 года Судоплатов и Эйтингон помещались «на больничце», но с ужесточением режима их признали здоровыми и поместили в двойнике на нашем этаже; на прогулках мы встречались.

Павел Анатольевич Судоплатов, 28.04.40 получивший орден Красного Знамени в чине майора госбезопасности, кажется, уже в это время был начальником IV отдела НКВД, ведавшего иностранными акциями; в частности, к этому времени отдел уже осуществил (нерезультативное) покушение Сикейроса на Троцкого с женой, 24.02.45 Судоплатов награжден орденом Отечественной войны I степени в чине комиссара ГБ III ранга, а 09.07.45 возведен в генерал-лейтенанта. Окончил Военно-юридическую академию Арестовали его на в июне, а только в августе 1953-го, подобно арестованному в сентябре Меркулову, он должен был попасть в число подсудимых по основному Бериевскому делу (расстрельному, декабрь 1953 г.). Но он вовремя сориентировался и симулировал психическое заболевание, не узнавал никого, в том числе жену, вл землю и т. п. Его отправили в ленинградскую психбольницу. Тут он сплотно прожил 5 лет, но в 1958 году очередная комиссия постановила перевести его в казанскую больницу. Тотчас он симулировать перестал — знал, должно быть, что это так. Дано было возобновлено, и Военная Коллегия Верховуда СССР дала ему 15 лет тюрьмы с зачетом пребывания в больнице. Так он попал во Владимир, мир, тоже сразу в больницу (общетюремную). Имел отношения к разгрома ОУН и, случайно встречаясь с сидевшими во Владимире оуновками Зарицкой и Дидых, всегда вежливо раскланивался с ними. Напомним, что глава ОУН Роман Шепанский (Буй-Тур) арестован только 22.06.53 и по суду почему-то не расстрелян; пребывание Судоплатова в Галиции в конце июня могло вызвать отсрочку его ареста.

Наум Исавкович Эйтингон был заместителем Судоплатова, в июле 1945 года имел чин генерал-майора. Его руководящая роль в убийствах Троцкого руками Меркадера обще-

известна. До конца жизни оставался членом Испанской секции Советского комитета ветеранов войны.

Держались они важными барями, чему способствовали их неотождествляемая комплексия и довольно высокий рост. Не только со мной они не снисходили до разговора, но даже Штейнбергу и Мамулову едва заметно кланялись. Обычно Эйтингон (там я воспринял его фамилию как Этингон, а Штейнберг даже говорил мне, что де и эта его фамилия не настоящая, что он сменил фамилию в 20-х годах, начав служить в органах «как и все они») ходил, слегка приподняв за собой ногу, поближе к стене, углубившись в чтение «Юманите». Некоторый интерес к моей личности они проявили лишь после того, как тюрьма узнала, что ко мне приезжала комиссия из ЦК, расположенная меня освободить (для получения мной объективной характеристики их всех вызвала эта комиссия). К слову, после этой комиссии Людвигов ходил передо мною на задних лапках. Уж не помню точно, от кого из них я узнал, что В. Н. Меркулов бывший с февраля 1953-го министр госконтроля, арестованный 17 августа 1953-го и расстрелянный в Берии, явился в самом деле «мозгом Берия». Именно он задумывал и планировал для Берия акции, ему Берия доверял вполне. Намекали они, крайне завуалированно, будто Меркулов ненавидел Советскую власть еще до вступления в органы ВЧК. О себе подчеркивали, что арестованы не одновременно с Берией, но так, что у меня сложилось мнение, будто бы Судоплатов и Эйтингон лишь отстранены в 1953 году, а арестованы со Штейнбергом в 1956-м. На самом деле Эйтингон судился одновременно с Мамуловым, в декабре, приговорен к 10 годам тюрьмы.

С этим связана непонятная информация Гоюра о Меркадере, Брик усмехнулся, что до 1953 года тот ежегодно подавал прошения о помиловании (он в 1940-г. приговорен на 20 лет в Мексике), а после смерти Сталина столь же ежегодно подаст прошения, чтобы его не освободили, а всю жизнь держали в тюрьме — иначе де убьют. Эйтингон подтвердил мне эту информацию, но откуда он мог знать?

Кто-то из них сказал, что сочинение Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» написал на самом деле директор ИМЭЛ Грузии Бедия, расстрелянный в 1936 году — сразу по написанию книги*, а главу о русских организациях той же книги написал Людвигов. Людвигов подтвердил.

Уже после моего освобождения Судоплатов, Мамулов и Людвигов сидели в одной камере, а Штейнберг, не желая встречаться с ними, отказывался даже выходить на прогулку. Но, узнав о ситии Хрущева, он специально вышел на прогулку посмотреть, как будет вести себя эта троица. Они бросились поздравлять: «Наконец-то этого ренегата сбросили!», «Наверное, он уже на Лубянке!», «Наверное, мы сегодня же отправимся по месту работы!». Через несколько дней Штейнберг спросил: «Вы еще здесь?» «Дел много, до нас не дошло», — ответил Судоплатов. — «Надо о себе напомнить». И, прервав прогулку, они направились писать жалобу. Через пару недель пришел стандартный ответ: «Оснований для пересмотра дела нет». Сам же Штейнберг при снятии Хрущева выражал опасения: «Не будет ли хуже? Тот-то был связан своими разоблачениями Сталина».

Эйтингон освободился по концу срока, работал в московских издательствах и кое-что рассказывал П. И. Якиру. Умер около 1975 года.

Судоплатов освобожден последний, 21.08.68, в день ввода войск в Чехословакию. При освобождении поздравлял всех, говоря: «Наконец-то наши взялись за ум, свергли контрреволюционеров!»

* По официальным данным, Бедия расстрелян в 1937 г.

ЗАЧЕМ СМОТРЕТЬ В ЗАМОУЩИНУЮ СКВАЖИНУ?

«Юра, скажите! Моему сыну 18 лет. Он учится в институте на первом курсе. Вот уже полтора года он почти каждый день уходит из дома в другую квартиру. В основном это подростки и те, кто пришел из армии. Матерящая, вылизал, занимаются гомосексуализмом.»

Расскажите, пожалуйста, подробнее, что это такое. Как вести себя, узнав и увидев это? Пройдет ли? Как помочь сыну? Сможет ли он когда-нибудь встретиться с девушкой, иметь семью?

Эта компания затягивает сына все больше. Никакие уговоры, мажоры и слезы не помогают. На девочек он не смотрит, институтская жизнь его не интересует, круг интересов резко сузился. Как жить дальше? В. С.» (Из письма в редакцию.)

Три-четыре процента населения Земли испытывают сексуально-эротическую потребность в партнере того же пола. Меньшинство. Остальные девять десятых процентов, то есть большинство, смотрят на такого рода интимную близость как на нечто противоестественное, аморальное и даже преступное. Зная о гомосексуализме в основном понаслышке, мы относимся к ним агрессивно-непринимательно. У нас всегда падают пара и мужских анекдотов и масса обидных прозвищ. Да и без этого о воображение рисует портрет жестокодобного сматывающего тина с выключенной походкой и иншим взглядом.

Также ли они на самом деле, или это мы хотим их видеть такими? По мнению ученых, никакого особенного типа гомосексуалистов не существует. Они ничем не отличаются от других — по крайней мере, внешне. И в то же время они иные, не такие, как мы. В этой непохожести и кроется, скорее всего, истоки нашей нетерпимости. Общество не терпит отхода от нормы. Даже если чисто теоретически оно готово отнестись к существованию гомосексуализма спокойно, то на практике это выливается иначе: «нормальные» ощущают свое превосходство. Но неужели общественная норма — тот единственный, абсолютный масштаб, тот камертон, по которому можно судить о сексуальном поведении человека?

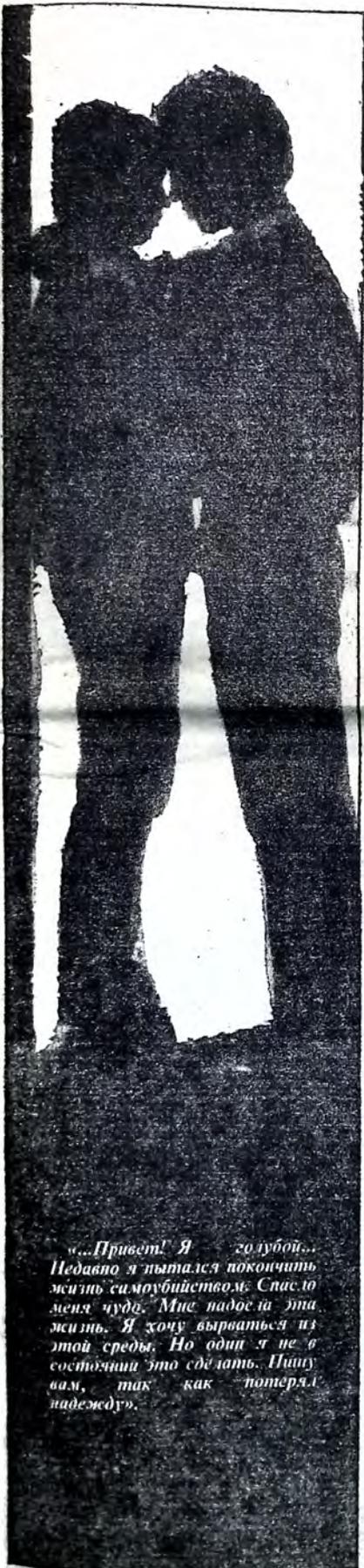
В своем неприятии всего ипородного, другого люди недалеко ушли от животных. Черный лебедь всегда чуток в белой стае. Лягушка откажется кормить котенка. Двоймовочка очень не понаравляется майским жукам, потому что была похожа на человека. А Галкий утенок из сказки Андерсена не пришелся ко двору диким уткам.

Неслако чернокому среди «бледнолицых», неуютно глухому среди слышащих. А кто знает, сколько слез проливает ребенок-левиша над школьной партией?

Думая, что вряд ли проводилось у нас социологическое исследование на предмет отношения общества к гомосексуалистам. Но и так можно не сомневаться: подавляющее большинство захотело бы запереть «голубых» в резервации. Мы упорно толкаем их к изоляции — индивидуальной в коллективной, забывая о том, что сфера личной жизни неприкосновенна, что голосованием тут ничего не решить, что большинство должно считаться с фактом существования меньшинства. В конце концов, каждый может жить в соответствии со своими склонностями, пока не принуждает других и не наносит им вред, то есть не вступает в конфликт с законом.

«Уважаемая редакция! Знаете ли вы, насколько сложно и мучительно, когда судьба сводит людей одного пола? В кошке так широко обсуждаемой угрозы заболевания СПИДом гомосексуализм был предостережен общественности в своем наиболее опасном качестве — как компонент группы риска. Его средни.ли с наркоманной и проституцией. Между врачами и юристами на гомосексуализм расходится, но и те и другие бессильны. Можно ли пригрозить людям только за то, что они муштуют иначе, чем другие?»

Мне 26 лет. Глубоко пережил интимную интеллектуальность и никак не решился открыться. Передачи, которые иногда можно увидеть по телевидению, а также анекдоты рисуют физически и нравственно мизантропическими типами. Однако среди нас в провинциальном отношении их не больше, чем в любом обществе. Встречается манерность, но это от беззащитности обратиться на себя внимание. Может быть, несколько аккурратнее одевается, следит за собой. Мне кажется, я тоже в худшую сторону не выделяюсь. Все при мне. Но проблема настолько существует. Странно представлять себе старость... Я не

рассчитывало на опубликование статьи «компроматурующей» письмо, но хотелось, чтобы вы знали: таких людей в Москве тысячи... Андрей К.»

Они страдают не из-за гомосексуальности, а скорее, из-за реакции окружающих на нее. В партнерстве испытывают те же проблемы, что и другие пары. Им ведомы и страсть, и ревность, и разочарование, и тоска, и верность, и измена. Иногда союз двух однополых людей длится до конца жизни. Но в среднем количество партнеров у гомосексуалистов больше, чем у других. В этом — одна из причин приписывания гомосексуалистам группы риска. Хотя, с другой стороны, нельзя сказать, что именно гомосексуалистам свойственна неразборчивость в половых отношениях и что именно они повинны в распространении СПИДа. Трагедия в Элисте показала, откуда следует ждать самой страшной опасности.

Наверняка среди гомосексуалистов есть немало людей, тяготящихся своей склонностью и мечтающих от нее избавиться с медицинской помощью. — Мы их отлучили к нам обращаться — говорит Сергей Озарков, старший научный сотрудник Московского НИИ психотерапии. — Им везде откажут и отказывают. Помощь им в Союзе практически никто оказать не может. Врачи иногда делают вид, что лечат. Выписывают рецепты, дают одно лекарство, другое, третье, некий аптечный арсенал. Или просто говорят: «Тебе все равно никто не поможет. Найди себе подобного и живи с ним тихо». До последнего времени гомосексуалистов ставили на учет в психоневрологические диспансеры. Врач как бы находился между Сталиной и Хрущевым. Приходи, скажем, человек на прием и открыто рассказывает о своих проблемах, а доктор вроде бы должен тотчас сигнализировать прокуратуре: «Явился махровый нестерпимый». Были такие случаи. А если врач не хотел быть Капиным, тогда говорил: «Ты ко мне не приходишь, я тебя не вижу...» Так или иначе, врач-сексолог почти отнюдь не стремился оказывать помощь этому контингенту.

— Сергей Тихонович, по разне гомосексуализм — болезнь?

— Сам по себе не болезнь, но эта группа очень разнообразна. Гомосексуализм может быть одним из проявлений тяжелого психического заболевания, например шизофрении. Форма гомосексуального поведения может возникнуть в тюрьме. И еще сюда относятся люди, у которых с самого начала отмечается половое влечение к однополым. То есть эта аномалия — вариант сексуальной ориентации.

— И все же, есть ли у гомосексуалиста, желающего стать гетеросексуальным, реальные шансы на лечение?

— Очень скромные. Переделка полового влечения — процесс чрезвычайно сложный, занимает около года. Для врача это очень хлопотно, к тому же эффект труднопредсказуем. По трудности лечения приравнивается к пересадке сердца. В настоящее время у нас нет ни одного научного сотрудника, который бы занимался проблемой гомосексуализма. Вообще же, в гомосексуальном влечении нет ничего катастрофического, как, впрочем, и криминального, если речь не идет о несовершеннолетних или о насилии. Это, конечно, не значит, что мы должны высидеть гомосексуалистов или уступать им место в очереди на сахаром...

— Приходилось слышать, что некоторые гомосексуалисты «для конспирации» вступают в брак, чтобы прекратить бесконечные вопросы: «Почему не женились?» Другие поддаются полюбившим родителям. Третий искренне надеются выйти счастливым в семейной жизни. Не ошибка ли эти браки?

— Разные бывают ситуации. Но если брак — лишь уступка окружающим и не более, тогда это — безответственный шаг, который может помешать жизни другому человеку. Сколько можно насиловать себя? Год два? Так что в лучшем случае супруги свяжут дружеские отношения.

— Сергей Тихонович, а можно ли как-то сменить роль факторов, влияющих на появление гомосексуальности?

— Здесь много моментов. Они накапливаются по капельке — на генетическом, биологическом уровне. В чем-то нарушается нормальное развитие гормональные препараты. Играют большую роль теплые беременность, семейный климат, сексуальное воспитание. Растет, например, тихий, спокойный мальчик, с которым никаких хлопот, и вдруг у него проявляется патологическая привязанность... На девочек колы внимания, зато с приятелем не раздел вода. А другой в 16 лет целует с девушкой в подъезде, и это приводит родителей в ужас. Радоваться надо!

На Западе гомосексуализм не считается болезнью или отступлением от нормы. Это вариант сексуальности, не более. В ГДР гомосексуализм

признают такой же равноправной формой секса, как и другие. Еще в июле 1968 года в ГДР вступил в силу закон, не содержащий больше парagraфов, предусматривающих уголовную ответственность за мужеложство, исключая, естественно, примененные наказания или возложение несовершеннолетних. К слову, в 1924 году Коммунистическая партия Германии, единственная из представленных в рейхстаге партий, выступила за отмену параграфа 175. Уголовная ответственность за мужеложство. Не имея забывать и о том, что 150 тысяч гомосексуалистов погибли в концлагерях...

В нашей стране все еще действует статья 121 УК РСФСР, предусматривающая наказание лишением свободы на срок до пяти лет. Что выпячивает эту категорию в заключение, не наоборот и в странном смысле. Это изгой порочного населения, «исправляемое», козы отлучения. Причем некарательный в зоне становится отнюдь не только склонные к этому люди. Достаточно иметь миллионную типичность или слабый характер.

В проекте Уголовного кодекса РСФСР 121-я статья отсутствует в своем сегодняшнем виде. Обретен ли это силу закона?

— В рабочей комиссии по этому поводу разногласия не было, — рассказывает Алексей Николаевич Писанов, профессор, доктор юридических наук. — Предполагается сократить уголовную ответственность только за насильственные виды мужеложства, за вовлечение несовершеннолетних. Но это пока только предложение.

— Всегда ли в Уголовном кодексе нашей страны предусматривалась уголовная ответственность за мужеложство?

— Ни в кодексе 1922 года, ни в кодексе 1926 года такой статьи не было. В царской России была. А в СССР уголовное наказание за мужеложство впервые введено общесоюзным законом в 1933 году. Никто не знает, как именно это вошло. Есть лишь версии, не подтвержденные документами. Первые статьи ввели по личному указанию Сталина. Будто бы в Ленинграде существовал притон гомосексуалистов, и когда Сталину об этом доложили, он сказал, что надо ввести соответствующую статью в закон. Есть и другая версия. В тот период в международной печати были сообщения, что в фашистской Германии распространено мужеложство. Намным надо было показать превосходство коммунистической морали, подтвердить нравственную чистоту советского общества... К слову, в Германии, Англии, России мужеложство всегда было уголовно наказуемо. Во Франции — никогда.

— Не является ли уголовная ответственность за мужеложство нарушением прав человека?

— Является, конечно, и указывает на отставание страны в правовой сфере. В 1964 году Международный конгресс в Гааге рассматривал в числе других вопросов и этот. Была принята резолюция об отмене уголовной ответственности за мужеложство, которую поддержали и советская делегация. Должна существовать пределы вмешательства государства в личную жизнь человека. Общественным критерием может быть вредность, общественная опасность. Что касается удовлетворения половой потребности, то это личное дело каждого. Кому мешает, что два человека, закрывшись в комнате, так или иначе получают сексуальное удовлетворение? Никому. Так зачем смотреть в замочную скважину? Ведь для общества это не представляет никакой социальной опасности. Иное дело — насильственное совершение действий сексуального характера. Тут закон обязан охранять интересы общества.

«...Привет! Я — гоубой. Но в отличие от всех ваших корреспондентов я называю себя. Я — ... Недавно я пытался покончить жизнь самоубийством. Спасибо моему чуду. Мне надо на эту жизнь. Я хочу вырваться из этой среды. Но один я не в состоянии это сделать. Пишу вам, так как потерял надежду. Все знакомые девушки, узнав, что я — педик, стали спотыраться меня. Я не хочу так жить! Помогите мне! Если в Москве найдется хоть одна девушка, которая согласится мне помочь, я буду ей очень благодарен. Иначе я жить не смогу...»

Несмотря на отчаянную смелость автора, рискуя назвать и свое полное имя, и номер телефона, я все же не решился передать эти сведения в печать. Готовя этот материал, я обратился за консультацией в один московский НИИ и в ответ услышал тихий смех. Похихикав, ученая дама посоветовала мне обратиться куда-нибудь еще. Я и обратился. Мне проше: Да и ей что? Мы ведь большинство Сила.

Елена СВЕГЛОВА

Издание отпечатано в типографии газеты «Фрунзевец» ТуркВО. Зак. № 1236

Статья, с которой вы сейчас познакомитесь, была написана в 1969 году и, многократно перепечатываясь, ходила по рукам. Я тоже читал ее тогда, но плохо отдавал себе отчет, сколь глубока эта работа. Сегодня, перечитав, я поражаюсь.

К сожалению, большинство нынешних читателей ничего не знают об авторе этой статьи. Герцен Исавий Копылов (1925—1976) был очень сильным физиком. Он любил свою науку, занимаясь ею самозабвенно, и у него многое получалось. Двадцать лет он проработал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, защитил здесь докторскую диссертацию.

В Дубне, как и во многих академических городках страны, хрущевская «белая» чувствовалась особенно сильно, здесь свободная научная мысль естественно соединилась с общественным прогрессом, и еще никто не представлял, что можно сохранить первое и придумать второе.

Ученый лод с одинаковым жаром рассуждал об элементарных частицах и живописи Пикассо, о молодых поэтах и прозаиках, о новых голосах и великих. Все ходил в турпоходы, а Дубна заключалась воднолыжным спортом, в каком-то и достигла выдающихся результатов.

«Весна», однако, была неравной. Хрущев разрешил Солженицына — но он же докавал Пастернака. Распахнул «железный занавес» — и построил бетонную стену. Были реабилитированы и возвращены к жизни десятки тысяч людей — но сотни посажены, на повсюду.

Весенняя распутица как бы предполагала грязь — само собой, временную. Мы все бы и зарылись надеждой. Поэтому той все-таки преобладали мажорный; а пролет — не утешающая. Она стала такой позже, когда та надеждами последовало острое разочарование.

То, что получило название «правозащитного движения», «диссидентства», не стало для Герцена Копылова делом жизни, как для Сахарова,

но в стороне он остаться не хотел и не остался. Он участвовал в стихийной оппозиции так, как умел, — словом. В самиздате ходило несколько его эссе на злобу дня: «Как быть?», «Август 1972, или Торговля живым товаром», подписанные С. Телегиным. А еще — «Восточный поэт». «Четырехмерная поэма», посвященная Копылову как о восточном поэте.

Статья «Как быть?» была написана на излете заборной. Но вот что удивительно — чувство, которым она пронизана, очень сегодняшнее. Просто зашифровано и не верится, что это написано двадцать лет назад. Поразило его самоопределение — внутренне четкое, целостное — но отношение ко лжи, неправде, страху, ко всему, от чего мы сегодня отрезаемся. Этой позиции и четкости мироощущения нам сейчас очень не хватает.

У нас куда ни кинь теперь все плохо, все ниже нуля. Но, с другой стороны, перед обществом раскрыт огромный простор для деятельности. Что делать, с чего начать? Герцен Копылов дает ответы в своей статье: нужно выработать новое мышление, внутренне освободиться, установить личную свободу званием порядком.

Меня сейчас поразило, что статья Копылова во многом совпадает с работой Солженицына «Жить не по лжи», написанной позже, в 1974 году (и опубликованной сейчас в журнале «Век XX и мир», 1989, № 2). Но мысли Копылова значительно ближе к жизни, к реальности, а многие рецепты Солженицына хороши лишь для проповеди.

Герцен Копылов отстаивает позицию неучастия, резко негативного отношения ко всему, что идет сверху. Но тем временем это было оправдано. Сегодня, когда у нас так называемая революция началась сверху, неучастие неверно. Думаю, что Герцен Копылов, доживши он до сегодняшнего дня, столь же четко сформулировал бы позицию интеллигента, как это сделал Сахаров.

Юлий КИМ

Герцен Копылов

«КАК БЫТЬ?»

Александр Солженицын

Герцен КОПЫЛОВ

Недавно в одной из публикаций самиздата была высказана вот такая мысль: «Не каждый может, да и не всегда это лучший способ, открыто выступить против тех условий, в которых мы живем: но лучше вообще молчать, чем говорить неправду...»

Я хотел бы детализировать эту мысль, слегка уведя ее при этом в сторону. Можно ли жить в условиях угнетающего режима культуры, противостоящего этому режиму? Я хотел бы здесь показать, что задача эта разрешима. Что она уже решается и решается успешно.

OHNE UNS, ИЛИ ОТДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ОТ ГОСУДАРСТВА

Приведенное высказывание оттого так легко укладывается в голове, что по существу, эта идея уже овладела мною...

От гуманитария — писателя ли историка ли — эта идея требует большего, чем от простого смертного: не только неприятие, но и — быть козырем, быть просто игнорированием, а — поступки себе во вред. Оттого эта идея среди них не так распространена. Но среди нас, простой рабочей скотинки социализма: университетов и академиков, крестьян привычных выворачиваться на башку и рабочих еще не проповедующих своей умнейшей молодежи, провинциальных инженеров и армейских инженер-капитанов, — это неприятие давило в голову. Его не сеют, не жнут — оно, как дурак, само родится на свет, ибо та культура, которой всех нас от академиков до плотника, пыкает власть, так детски примитивна, так

идиотски бездарна, так нагло лицемерна, так воинственно беседовочна, что много и быть не может. Электрическое соединение впаханых склеенных частей, между которыми — ничего не заботящие разрывы, посылают и выдают. А человек не выносит таких разрывов, сам принимается зиять их. Создает свой круг возреший, в котором можно жить, не путаясь в противоречиях. Итог — фактическое неприятие официального мира. Неверие ко всему, что отсюда. Молчаливый, порой неосознанный принцип «one up», «без нас».

Но на одном отрицании жизнь не построится. Мало-помалу она обрывает положительные принципы, постоянно образующими нечто целое — культуру. Все труднее становится ее не замечать. Ее создают два внешне мало связанных друг с другом потока народной творческой энергии: искусство и наука.

Искусство. Все мы помним момент, когда новое искусство совершило свой первый прорыв: явление Окуджавы народу. Вызвано перед нами открылся мир, о котором мы не подозревали. Он был не где-то вдали, а здесь, в наших душах, в наших ночных троплейбуках, в арбатских трущобах, в барабанимом грохоте столиц. Мы узнали про свое богатство. Мы поняли скудость кормов, на которых нас держат. Мода на Окуджаву могла пройти, но возврата в прошлое не было. Стало ясно, что чего-то ждешь милостей от певцов во стане русских воинов, надо самим приниматься за дела. И первым признаком возмущившей культуры я считаю гитарно-песенное поетрие: как бы свысока ни глядели на него

профессионалы, в нем была подлинность, непосредственность, душа человеческая.

Другим большим прорывом стал самиздат. На наших глазах создается и ширится новая литература. Ее подъем — проза Солженицына и Е.Тшбарь, стихи Домбровского и Коржавина — переклестнули официальные рекорды литературного гения, ее средняя продукция запросо берет на себя утоление нашего идейного голода. И это несмотря на черевные условия: тиражи — шиканки, состав — самодельный, преследование со стороны одних, пренебрежение со стороны других.

И вот она высосывается, эта новая культура — культура раскрепощения души и инстинктов. Наряду с нелегальными каналами она использует и лучшее, что проявляется в открытой печати, в кино, в театре, «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Обитаемый остров», Платонов и Мандельштам — ее события. После каждого такого события целый ворох свыше одобренного чтива мы выметаем с сором, его влияние на нас улетучивается...

Новая культура обильно питается помертвыми соками наших гигантов 10—30-х годов нашего века; но в ее затравке и классика: Чехов, Толстой и т. п. Делаются попытки подпереть ее русскими философско-идеалистами, а в своем интересе к русской древности она смыкается порой с официальными тенденциями «Октябрь» и «Молодой гвардии», но, очевидно, со временем переиграет устои казенного догмата и станет в этом столь же враждебна державной идее, как и в остальном. Наука. Тайком, из-под плуда

делает свой вклад в новую культуру искусство, и в принципе — мыслительские попытки «искусствоведов» перерывать это течение. Не то с наукой: она действует открыто — но зато бесознательно; ни она сама, ни партийная мудрость не ведает последствий вмешательства науки в нарождающуюся культуру. И попытки помешать этому вмешательству были бы напрасны.

Посторонних впечатляют результаты науки, самих ученых — метод. Наука подает заявки на новую культуру, козыряя своими достижениями, но реальным вкладом делает методологией. Физик, спокойный и деловитый спорщик, дающий даже заурядному уму сверхъестественные способности. И ему хочется выйти со своими способностями на люди, приложить свои методы к тонкостям морали и к тайнам бытия человеческого. Сам того не ведая, он кладет фундамент новой культуры. Представьте себе класс высокообразованных людей — вооруженных идеями современной науки, умелых, самостоятельных, бесстрашных мыслителей, вообще привыкших и любящих думать... Им нужна новая культура. Они сами — такая культура.

Люди такого масштаба, не видя нужной пищи, порой сами принимаются создавать ее для себя; методологией своей науки возводят в ранг жизненной философии, вносят в свой язык ее словари, и вот десятки отраслевых и локальных подкультур пускают корни в чертежных залах КБ, в коридорах НИИ, в холлах институтов АН СССР,

пропикают на телеКВН, даже осецаются в литературе (см.: Грекова И. За проходной. Новый мир. 1962. № 7).

С кем вы, мастера культуры? И здесь уместно обратиться к мастерам державного жанра: понимают ли они, какую роль могли бы сыграть в создании этой новой культуры? Понимают ли они, какие возможности открывает перед нами самиздат? Пусть взглянут на него сверху, как это сделал Солженицын, Сахаров: сейчас в нем много драгоценного, чья добрые намерения превращают умение, пусть же станут с нами бок о бок профессионалы слова и мысли. Но пусть попробуют: не разучились ли они говорить правду? Пусть пишут безмялочно, если это мешает их публикациям для прокума, пусть смотрят на это как на фольклор, задавая загадки литературоведам XXI века.

Когда думать об этом, невольно возникают вопросы...

...Почему живописцы стоят в стороне от движения за свободу? Где у нас свободная живопись и скульптура? Я говорю не об абстракте, не о формальных поисках — тоже гонимых, — но об искусстве, выражающем идеи свободы. Или о прямых агитках, о карикатуре. Где Солженицын и Галич от живописцев? Серовы и Федотовы наших дней?

...Понимает ли поэт, скрывающийся от народа свою поэму о Венгрии 1956 года, что на нем лежит часть ответственности за август 1968 года? Понимают ли стиховеды, понаторевшие в зашпарковке, что способ плавать вещи своими именами — существует?

...Почему не следуют примеру Медведева историк совет-

Ност, тычется в ребра неутоленным эмсом сердце, который уже час ворочается с боку на бок и не могу заснуть. Господи, неужели все это было, а не прикидывался в димедоловом сне?

Но ведь было же, было! Полночный звуковой вокзал, провозвещающий запахами жареных сортиров и горелого угля поезд на Борисов, толстая переливающая проводница с виднеющейся из-под платья розовой комбинацией, мокрые простыни, жидкий чай, красивые флаги, бетонный забор, густой туман, скрип солдатских сапог, фотокарточка в блокноте, издающий пранор...

Тогда это все промелькнуло передо мной словно на плече смонтированной, местами засвеченной, недопроявленной пожухлой кинолентке. И вот только теперь, год с небольшим спустя, проявилась в осознаемую боль и муку.

ЭШДАРОТ

Дмитрий ЛИХАНОВ

I.

...Случилось что-то странное, в те выходные дни, когда части соединения погрузились на багги и грузовики и отъехали на несколько километров от казармы на очередные маневры. За главным решением было оставить на «хозяйстве» заместителя командира учебно-танкового полка подполковника Александра Горелова, который среди офицеров части проходил под прозвищем провинциал Хмурый. До нынешней поры военная карьера тридцатипятилетнего подполковника складывалась счастливо, без малейших извивов и виражей: от звания казачко, от звезды к звезде.

В семьдесят втором он с отличием окончил Казанское высшее командное танковое училище. В двадцать лет вступил в партию. Служил в Венгрии, что по военным понятиям уже само по себе удача, везука, необыкновенная. Потом попал в Забайкальский военный округ и в Монцкиро. А через положенный срок поступил на командный факультет Военной академии бронетанковых войск имени маршала Малиновского. Здесь же в чине лучших слушателей был удостоен почетного права чеканить шаг по кремлевской брусчатке в день коронации Победы.

И вот теперь — подполковничье звание, завидная должность заместителя командира полка, тридцать четыре поощрения по службе и ни одного взыскания, отужоженный мундир, динные горизонты.

Надо сказать, что всего этого Александр Петрович добился, что называется, собственным горбом, без каких бы то ни было влиятельных покровителей и знакомств, и стало быть, в отличие от многих ценил завоеванное на полигонах и в аудиториях с особым душевным трепетом и волнением.

Итак, с хорошим настроением прискакал подполковник Горелов сюда, в Печи, уверен был, что все будет хорошо, и прощаясь сослуживцев на миссиры.

Но не успели еще затннуться белой снеговой трассой следы от танков и буззэр, как из хозяйства Горелова обрушилась одна за другой цепочка несчастий.

Вначале эта цепочка автокатастрофа. Покорженный, отравительно вопиющий соларкой и кровью металла. Мертвые вырели из автомобиля. Собирали по кускам. Заплатили в цинковые гробы,

Рапорты, доклады, слезы родственников погибших, какие-то бесполовые объяснения, похоронные формальности. Горелов сначала, по держался. Во можно было понять. Первые дни самостоятельной службы — и вдруг такое. Случайность, конечно, несчастный случай. Но ведь за все в ответе командир. Бог ведь, чем еще это обернется.

Неделя не прошло — новое ЧП. Памя, сосунок необученный, накайфовались коноплей в сортире, дал деру из части. И в довершение всего ушел в самоубийство комсорг взвода Петя Заморский!

Наркота — дело понятное. Но Петя!

II.

Что же произошло? Почему Петя — надежда командиров, сельский мальчик из харьковской провинции, свой парень среди пацанов осеннего призыва — вдруг оставил наряд и дал ходу?

Скорее всего, причина побега крылась в делах сердечных. Как раз накануне призыва завязался у Пети любовь. И девочка эта из соседнего села панерника провожала его со слезами и обещала ждать. А потом, как раз в феврале, кто-нибудь из корешей из тайных соперников прислал жесткое, скорее всего, обдуманное письмо, и стало от него Пете пусто и безразлично на свете. Напялил шапку и пошел куда глаза глядят. Банальная в общем-то история. Сельско-армейская история.

Добравшись до деревни Пересадки, продорзгий от холода Петя залез в пустую котельную местной школы и здесь уснул. Онулся уже под вечер. Темно. Где-то вдали еле слышно играла музыка, и он побрел на ее зов.

Деревенские танцы. В валеках. В паниростном тумане. Под раздрязганный, жующий плешку магнитофон. Может быть, все это напомнило Пете о родном доме, о девочке той, и о письме, и о друзьях в части. Да мало ли о чем еще могут напомнить, какие струны души задеть обычные деревенские танцы... Словом, лишь только отзвучала музыка, развернулся Петя крутом и пошел на станиро Пролетарская Победа. Отсюда ходили электрички на Борисов. А там и до казармы рукой подать. Но электрички все не было. Удобнее устроившись на станционной скамейке, Петя решил ждать. А утром

его растолкал военный патруль...

Подполковник Горелов велел повестить белена в одиночную камеру гауптвахты. Чекана каждое слово, пообещал: если одна же сообщало о случившемся родителям и срочно вызываю их в часть. Вернувшись в кабинет, по селекторной связи вызвал комсорга роты. Приказал: в перерыве между завтраками собрать всех комсомольцев и исключить Заморского из рядов ВЛКСМ. Комсорг перечить не стал. Собрание проголосовало единогласно.

А в начале седьмого Петя повесился. Подоспевшие на истошные крики часового охранники, слава богу, вовремя перерезали сплетенную из обрывков исподнего удавку и тут же принялись откачивать бедняканого, обмякшего папана.

Вскоре он ожил. Открыл глаза.

И встретился с колочим взглядом Хмурого.

Вспомнил об этих минутах, о чувствах, которые он испытывал, стоя перед вынутым только что из пелли мальчиком, Александр скажет мне искренне и проникновенно: «Поимаете, пада было прекратить эту волну преступлений. Хоть как-то всколыхнуть людей».

И он всколыхнул. Допрос был недолгим, а решение — мгновенным.

Впрочем, вот что сказано об этом в сухих строках материалов следствия: «В 18 часов 45 минут тех суток в комнату начальника караула пришел подполковник Горелов и стал высказывать у Заморского причины его попытки покончить жизнь самоубийством. Последний ответил, что не хотел жить, так как подвел своих товарищей».

Выслушав Заморского, Горелов спросил, сможет ли тот повеситься в комнате начальника караула. Заморский ответил утвердительно, и Горелов приказал исполняемому обязанности начальника внутреннего караула части Цирульнику принести веревку. Поимая незаконность действия командира, он не выполнил этот приказ, сообщив, что веревки нет. Тогда Горелов заявил, что даст возможность Заморскому повеситься перед всей частью. Связавшись по телефону с дежурным по части, он приказал построить личный состав части на плацу. Затем он же позвонил в 8-ю роту и приказал привести на плац веревку.

Когда Петю под охраной двух автоматчиков повели в сторону плаца, спорившие сержанты Михайчук, Волчок и Губецко уже заказывали соорудить

виселищу. Вначале они подыскали хороший, крепкий сук, способный выдержать восемнадцатилетнего мальчика. Им повезло, он торчал как раз над трибуной, с которой доблестные командиры что ни день произносили речи о перестройке в стране и в армии. Кто-то умелой рукой скрутил удавку, подержал с силой, проверил на прочность. Кто-то привязал свободный ее конец к дереву и поставил прямо под петлей один на другой два табурета.

Взвод за взводом, рота за ротой к плацу стягивался личный состав. Ветер дул в спины. Люди мерзли, несмело переступая с ног на ногу.

Вскоре, फिरта движком, к трибуневиселище подурлил командирский «уазик». Из него, поправляя новенькую шинель и скривя сапогами по слугу, вышел Хмурый. Следом вывели Пето. Здесь же, возле ошафота, их уже ждали офицеры и прапорщики, секретарь партийной организации полка Владимир Колосок.

«Обращаясь к личному составу части, Горелов рассказал о том, что Заморский самовольно оставил часть, пытался повеситься в камере на гауптвахте. Затем он предложил ему попросить прощенья за нарушение воинской дисциплины или повеситься».

После этого он вызвал прапорщика Григоровича и прапорщика Завелинского, приказав следить за тем, что если Заморский попытается повеситься, вовремя подстраховать его, не дав это сделать.

Подойдя к сооруженной виселище, Григорович по своей инициативе подрезал веревку, полагая, что если Заморский и попытается повеситься, то веревка оборвется.

Заморский после предложения Горелова повеситься и заявления о том, что если он это сделает в присутствии всего личного состава, то за него отвечать никто не будет, подошел к виселище...

«Полк построился правильным квадратом напротив трибуны, а там проходило что-то непонятное... вспоминаю позже один из очевидцев казни Пети Заморского. — Присмотревшись, я сказал Серге, что, кажется, кого-то собираются вешать: в свете прожектора была видна стоящая на трибуне табуретка, а с дерева, с толстой ветки, свисала веревочная петля. Я сказал это как бы в шутку, но дальше стало происходить нечто больше похожее на страшные кадры кинохроники времен войны. Мы не верили своим глазам: на

табуретку встал худенький солдат без шинели и без ремня, на его тонкую шею накинута петля, а потом выбили из-под него табуретку. Он дернулся, но веревку, видимо, предварительно подержали, и солдатик очутился на земле. Затем его посадили в машину и увезли...

Я привык в армии ко всему, но увидевшим был совершенно ошарашен. Это на всю жизнь».

Через несколько дней Петю отправили в психиатрическое отделение военного госпиталя.

Вернувшись с маневров командир полка вызвал в свой кабинет подполковника Горелова и устало произнес: «Я все прекрасно понимаю, но придется тебе ответить».

Вскоре историей с казнями занялась военная прокуратура.

III.

Я приехал в Бориков утрешним поездом, в тот самый июньский день, когда военный трибунал назначил к слушанию дело подполковника Горелова.

Загорелый, худышастый парень, вызвавшийся подвести меня на своей «волжанке» до гостиницы, оказался кадровым политработником. Он только что вернулся из «Африаны», кундул вот эту самую «волжанку» и теперь в свободное от подизгнаний время подрабатывал на извозе. Про историю с казнью, как оказалось, комиссар-мичкович тоже слышал и даже имел на этот счет собственное мнение.

Задать, объяснил он, торжественно пошпиливая измученной папироской, — есть золотые ребята. С ними расстаешься — слезы на глазах. А все остальное — дерьмо. Мамеблшки сыночки. Случись у меня такое — я бы тоже этого подонка самолично повесил.

У госпиталю притормозил со свистом.

— Нет, честное слово, и как это я сам раньше не догадался. Вот тогда из них будут вырастать настоящие советские воины. С тебя треха...

К полудню стало известно, что в связи с отсутствием потерпевшего заседание трибунала не состоится. Может быть, завтра, в десять часов.

Завтра так завтра. Взял «тачку» и поехал в часть.

Странный, недоступный стороннему миру военных с раннего детства выгляды во мне зависть и восхищение. Мне нравилась чистенькая, аккуратно подогнанные военные шинели, блеск надраченных пуговиц, пружек и сапог. И то, как строго нещадно шаг этими сапогами. У меня переклаивалось дыхание при виде баллистических ракет — этих украшенных монстров, которых волокли за собой на прицепе по Красной площади казавшиеся крохотными тиграми. Я совершенно «балдел», когда маршал Гречко в открытом лимузине облекая колонны войск и в ответ на его приветствие войска осатанело орали: «...же тут юзу а-а-а!». Я думал, что вся наша армия — как ноябрьский парад — такая же красивая, мощная, сильная.

Но прошло время, и наш институтский майор с внушающим вроде бы доверие интеллигентным лицом как-то сказал Вадиме Листьеву: «Курсант Листьев, выдрывайте ох!» А другой майор скокандовал: «Сигнал к атаке — три зеленых свистка». А подполковник Передистый швырил в задравшего на посту курсанта всамделишный взрывчат.

Мы ржали. Нам было смешно. Мы веселились на стрельбах. На занятиях. И в солдатском сортире, когда в роте вспыхнула эпидемия дизентерии. Мы

смеялись, потому что для нас все это было не всерьез.

Сборы закончились через месяц. Сдав противогазы и драные хбз, мы двинулись к станции, нел «Циленок жареный» и махали солдатикам первого года службы: «Пока, салабоны!» И тогда один из салабонов крикнул: «Галды вы! Уезжаете. А нам завтра сделают «танк».

«Танк» — это когда тебя затюняют в око сортира и не дают высунуть головы.

И когда мы представили себе наш диктейтерийный сортир и мадежники, задававшихся от смрада и слез солдатиков, только тогда мы, кажется, поняли, какую горькую бедную унижения и зла оставили позади. И зашпешили вперед. Только теперь мы уже не смеялись.

Это тоже наша армия. Армия с черного входа.

Андрей Платонов в своих фронтовых записных книжках как-то заметил, что отношение офицера к солдату напрямую зависит от отношения государства к своим гражданам. Адаптируя странность, ибо если примерить ее на нашу действительность, то все мы, граждане Страны Советов, не более чем те самые запуганные, измученные и подневольные салабоны. А разве не так? Разве не мы многие годы существовали (до сих пор существуем) согласно всяческим политическим уставам, указам и постановлениям? Или не наше общество расколоно на генералов от политики, майоров от идеологии и рядовых от станка и пилота? Так чего же пенять нам на армию? Она у нас такая, какую мы заслужили. Она — наше зеркало, недружелюбное и заманчивое.

«Но ведь должен же быть предел безразличности и зла. Даже здесь, где безразличность и духовное опустошение особенно глубоко пустили свои корни?» — размышляя я, переступая КПП воинской части под Бориковом.

Начальник политотдела соединения подполковник Евгений Орлов, удобно устроившись под портретом Ленина, бритвойкой заточив карандаш, Девяне слегка срежетало о твердый графит, и от этого звука поганяско пощекотывало внутри. Все равно как глордем по стеклу.

— Насчет Горелова? — подполковник поднял глаза от аккуратного карандашного острия и посмотрел на меня в упор. Слово бы прицелился. — Лично я считаю, что в его поступке нет никакого состава преступления.

— Вы это что, серьезно?

— Вполне. Более того, я считаю, что его поступок не нанес никакого морального ущерба Советской Армии.

Юрий Аркадьевич Кошелев — командир того самого полка, где до недавнего времени служил подполковник Горелов, в своих суждениях был менее категоричен.

— Понимаете, — объяснял он, — ведь у нас в армии, кроме ареста и «твою мать», нет никаких воспитательных рычагов воздействия. А с другой стороны, нет и никаких стимулов к хорошей службе. Разве что звездочки и ордена. Да нет же, какой разговор, я, естественно, осуждаю поступок Горелова...

И тут я вдруг с поразительной ясностью понял, что все эти люди: и командир части, и начальник политотдела, полковники и майоры, прапорщики и старшины не разыгрывают меня и не шутят. Они действительно не видят в той февральской драме НИЧЕГО ДУРНОГО. Мало того, считают случившееся НОРМАЛЬНЫМ. Мол, солдат сам виноват, дезертировал, а у нас воспитательных рычагов и стимулов нет. Так что, выходит, поступить иначе было нельзя.

Конечно! И как я раньше не понял этого. Ведь в ту февральскую ночь не

одни Хмурыи расправлялись с солдатом Петей Заморским. Горелов лишь поддал иделю. А строителю Зисланду, искали веревку, бесстрастно наблюдали за происходящим добрый десяток обремененных военной властью людей. И не содрогнулись душой, и лишь сердце не сжалось жестким спазмом. Ибо все, что происходило на их глазах, казалось ЕСТЕСТВЕННЫМ. И сама жизнь. И петля. И дернувшееся судорожно тело.

«Но ведь это был приказ! — урезонивали они меня, — как можно не подчиниться приказу!»

Все правильно: приказ есть приказ.

Но приказы бывают разные. Есть и такие, которые повелевают жечь дома, насловать женщин, убивать стариков и детей.

Но ведь есть же еще человеческая душа, которая отторгает, как нечто чуждое человеку, такие приказы. Всего сто с небольшим лет назад русские офицеры кончали жизнь самоубийством, лишь бы не принимать участия в оккупационной русско-польской войне. Но ни один наш офицер, насколько мне известно, не поступил так же во время афганских событий. Неужели военный приказ должен быть сильнее нравственного закона и им можно оправдать, как и в этой февральской драме, любое, самое страшное преступление?

Во всей этой истории роль старшего лейтенанта Александра Цырульникова мада и эпизодична. Помните?

«... Он приказал Цырульнику принести веревку. Цырульников, понимая незаконность действий Горелова, этой командой не выполнил, доложив командира, что веревки нет».

На самом-то деле веревка была. И другой служба из тех, что поспоронистее, нашел ее в считанные минуты. Александру Цырульнику не позволили это сделать его живая человеческая душа. Да, он не выполнил приказ командира, да, по армейским законам он — преступник поопасе самого Горелова.

И вот я думаю: если бы не один только старший лейтенант Саша Цырульников, а хотя бы еще какой-нибудь прапорщик или майор не исполнили тот преступный приказ, то, может, и не случилось бы того, что произошло? Да нет же, нет, — твердит рассудок, — нашлись бы другие. Ведь отыскал же кто-то веревку. И соорудил петлю.

...Я так и не дождался суда над полковником Гореловым. Назавтра заседание военного трибунала отложили. Отложили его и через два дня. Только потом, несколько месяцев спустя, я узнал, что «правосудие» свершилось. За превышение власти Александра Горелова приговорили, если мне не изменяет память, к трем годам лишения свободы условно. И тут же освободили по амнистии...

Армия наша больна. И не ледовицной, как наввно полагают одни. Не бюрократизмом или всеобщей повинностью, как считают другие. Она, как и все наше общество, больна бездуховностью. Только страдает этой болезнью серьезнее и тяжелее. Иногда мне кажется, что эта болезнь неизлечима. С такой армией можно делать все, что угодно. Она исполнит любой приказ.

А если это так, то все мы стоим на зшафоте.

По традиции бои супертяжеловесов считаются кульминацией любого боксерского турнира. Не стал исключением из правил и финал московского чемпионата мира. На ринге спорткомплекса «Олимпийский» в решающем бою встретились многоопытный Александр Митрошинцев и 20-летний кубинец Роберто Баладо. Специалисты полагали, что победу одержит советский спортсмен. И неудивительно, ведь до московского первенства мия Баладо было известно только большим знатокам бокса: Однако вышло все наоборот! Быстрый и напористый Роберто на протяжении трех раундов постоянно атаковал, наносил мощные удары. И когда бесстрастный компьютер объявил победу кубинца со счетом 18:8, казалось, не было в Москве более счастливого человека, чем Баладо. Мы встретились через час в раздевалке, когда усталый чемпион сидел в мягком кресле и принимал поздравления. — Я счастлив, что смог одержать победу в этой самой престижной весовой категории в боксе. Ведь чемпионат для нас прошел не так, как нам этого хотелось. Всего четыре золотые медали и проигрыш общекомандного первенства — есть от чего прийти в плохое настроение, и нам, и нашим болельщикам. Но сегодня я рад, что смог выполнить главную задачу и завоевать свою золотую медаль. Эта победа приятна мне вдвойне, так как произошла она в Москве, побывать в которой я давно мечтал. На чемпионате Роберто Баладо ждала еще и другая награда: МОСКОВСКАЯ ШТАБ-КВАРТИРА МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО И ПОЛИТЕЧЕСКОГО РОМАНА ВРУЧИЛА ПОБЕДИТЕЛЮ ДЕНЕЖНУЮ ПРЕМИЮ В РАЗМЕРЕ 2,5 ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ.

СОННИК

БРИТЬСЯ самому — потеря имущества; брить других — искать добрых людей.

БРОВИ: темные — здоровье; обречь — спор о наследстве; обрить брови — ты неустойчив человек.

БРОВИКА видеть — твоё поведение не коммиссионно.

БРОККИ: черные — горькие; зеленые, белые — поймешь свое будущее, порываешь.

будешь иметь похитителя; ивовая — в доме будешь видеть плавание, потерять — будешь под влиянием у своей жены; парад плавать — ты и ты денежники хлопоты.

БУДЬ БИНИК слышать — должен быть в ситуации.

БУДИТЬ кого-то: получить постоянное место.

БУКБЫ писать — несчастье; убит букву — близкое будущее; в письме видеть — новости.

БУККИ иметь счастье в любви.

БУКИ покупать — прибить; резать — соблазна.

БУЛЬДОГ будешь иметь онку.

БУМГА видеть черную — злое дело; с напечатанным текстом — перед тобой будут записывать и оглашать; помет, рисованную — разочарование; испачканную — разлука; рвать — впадать в гнев; видеть бумагу чистой — хлопоты; писать — ожидай неприятных писем; порванную — утратить какое-то свои права; летящую в воздухе — шатание надежды; видеть, как делают бумагу, — с выгодой используешь сведения; белую — твоя психичность станет явную; известную — хорошие известия.

БУНТОВАТЬ будешь как-то трудности.

БУРАКИ: белые — ожидает опасность; желтые — испытать преследование; кушать — попадать в непредвиденное положение; собирать — будешь хорошим хозяином; крошить — разлука; кормить бурками скот — деловые операции пройдут удачно;

опахать — будешь осмеян; бурчанное поле — в результате тяжелого труда добьешься хорошего положения; приготовленный бурак (салат) — предприятие твоё будет удачно; в больших буртах — иметь хорошие дела.

БУРЯ: ожидай житейской борьбы, из которой, однако, выйдешь победителем.

БУТЫЛКА видеть — греховная, разбитая — печаль; наполненная — ожидает трудная работа; пустая — недостаток в жизни.

БЫК видеть — будь осторожен; подвернуться нападению — счастье в любви; покусать — спор; зарезать — почитать терпение; убит его — избежать большой опасности.

БЮРО (кабинет): жди неприятных вещей.

БЮРО (стол): приобретешь знания.

БЮС: должен будешь оставить свои будничные.

ВАЗОН для цветов: видеть — ждешь приятной неожиданности; разбить — испуг.

ВАРЬЕНЕ купить — любовью удовлетворение; видеть — пустые мечты.

ВДОВА: быть ею — ожидай новых утех в жизни; жениться на вдове — богатое наследство; влюбиться во вдову — выгода и легкая жизнь.

ВЕДРО: полное — хорошие дела; пустое — главный выигрыш в лотерею; идти с ним к колодезю — награда за трудолюбие; на воде — честь.

ВЕЛОСИПЕД переломить — союзники или скорое супружество.

ВЕНОК: из листьев — честь и слава; из цветов — любовные тревоги; золотой — прекрасная дорога в жизни; мятый — счастье в любви и свадьба; вить венки — будешь принимать участие в примирении влюбленных; венки на гробе — наследство; возложение венка — будут близкими; нести венки — честь и счастье; дубовый — выданы.

ВЕРБА над водою — смутные дни; плакучая (опушечные ветви) — семейное горе.

ВЕРБЛЮД: долгая, но трудная жизнь или в скором времени столкнешься с трудностями.

ВЕРВКА: видеть, как изготавливается, — не легко будет достигнуть цели; подниматься и спускаться по ней — быть на запутанном пути; привязывать — обманешь других.

ВЕРЕТЕНО: видеть — ожидай прекрасного будущего; в

прудке — счастье в доме.

ВЕРЕСК (кустарник): зеленый — иметь последний пробыток надежды; сухой — уже надежды нет; цветущий — надежды исполнятся.

ВЕРМУТ (вино): иметь личные тревоги.

ВЕРНОМСТВО: ная гобой — супружеское счастье; совершить самому — опасность покаяния; потеря имущества, способствовать — сделать неблагоприятный поступок.

ВЕСЕЛЫМ быть: печаль; увидеть веселье — разочарование.

ВЕСЛО выдешь в дорогу; грести веслом — благословение помет над твоим трудом.

ВЕСНА: ждешь тебе прекрасное будущее.

ВЕТЕР слышать: подучить пустое предсказание.

ВЕТКА ВИНОГРАДА: счастье в любви.

ВЕТРИНАЯ МЕЛЬНИЦА в работе — ты хороши работник; недвижимая — ты ленив.

ВЗЫСНИШЕГОСЯ видеть: тревога, вбежишь самому — счастье, достойное удивления.

ВЗВОДОВАННЫМ быть: будешь здоров.

ВЗЛЯД бросать: ожидай большого искушения.

ВИДЕННЕ иметь: сделавши ошибку.

ВИЗИТ: сделать кому-либо — затея неудачная; принять — будешь пользоваться большой симпатией.

ВИКАРИЙ (второй епископ): тебе необходима помощь.

ВИЛКА (столовая): уронить — испуг; есть с вилки — грозит опасность.

ВИЛЫ навозные: выполнять неприятные функции; вилы для сена — счастье и богатство.

ВИНО: пить — шиком охватит тебя тревога; красное — всегда иметь хорошее настроение; белое — получить удовлетворение; разлить — разобьешь свое счастье; яблочное — скромные радости.

ВИНОГРАД: видеть — благословение в детях; без ягод — дождь.

ВИНОГРАДНЫЕ КИСТИ: красные — испуг; получить в подарок — сделавши новое знакомство; видеть прессывание — трудолюбие и выдержка наградят твой труд; есть — иметь много любовников; видеть виноградные кисти — достигнешь цели; срывать — упрочить свое счастье; срывать — счастливая домашняя

обстановка; зреть — радость.

ВИШНЯЯ ЛЕСТНИЦА: влечь — с другом, окруженным путем достигнешь своей цели.

ВИНОЧЕЛЬ: слышать — необходима чужая помощь.

ВИШНЯ (дерево): цветущая — счастье и благоволение судьбы; с ягодами — счастливый дом; спрятать — радость и удовольствие, есть — ждешь тебе приятные минуты; кислые — не желай вещей несущественных; вишневый проток — счастье близко.

ВКУС: ощущать неукуное — живешь в условиях нерегулярных.

ВЛАСТЬ брать ее — будешь жить в достатке; владеть ею — пустота и забота; видеть власть имеющего — жить среди удовольствий.

ВЛЕЗАТЬ: на дерево — счастливый поворот судьбы; влезать на скалу — встретить много хлопот.

ВЛОБЛЕННЫМ быть: счастливые перемены; влюбленных видеть — зависть; помогать — проявить брато-

родство.

ВНУКОВ видеть: рождившая радость.

ВНУТРЕННОСТИ (животных): видеть — неприятные вещи; кушать — счастье.

ВНУШЕНИЕ: убедить кого-то — будешь иметь влияние; поддасть убеждению — ты слаб и не имеешь воли.

ВОДА: холодная — счастье; разлить — увлекаешься верным делом; мутная — препятствие; утопать в воде — столкнешься с притеснением; переходить вброд — освободиться от опасности; кушать — реабилитируешься от позорений; купающихся — поладить с неприятелем; пить теплую — болезнь; опариться кипятком — понести убытки через неосторожность; ходить по воде — преодолешь все преграды; шум воды слышать — тебя резко осадят.

Главный редактор
ОЛИАН СЕМЕНОВ

Первый заместитель главного редактора

АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ

Редакционный совет:

МАЙК АНДЕРЛЕ,

писатель (Австрия)

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ,

писатель (Москва, СССР)

КАРЛ АРНЕ БЛОМ,

писатель (Швейцария)

АЛОИС БРЕНЧ,

режиссер (Рига, СССР)

АРКАДИЙ ВАЙНЕР,

писатель (Москва, СССР)

МИКОЛА ВИНГРАНОВСКИЙ,

кинорежиссер (Киев, СССР)

ГЕОРГИЙ БОСКРЕНСКИЙ,

авиаконструктор (Москва, СССР)

ДАНА ГЕНРИ,

судья Верховного суда (США)

ТАТЬЯНА КОРЯГИНА,

доктор экономических наук (Москва, СССР)

АТАНАС МАНТАДЖИЕВ,

писатель (Болгария)

АЛЕКСАНДР МЕНЬ,

профессор (Загорск, СССР)

АРЧЕВ СЛАВ ПАНКИН,

начальник Уголовного

розсказа СССР (Москва, СССР)

ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ,

публицист (Москва, СССР)

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ,

писатель, народный депутат

СССР (Алма-Ата, СССР)

МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ,

композитор (Москва, СССР)

МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ,

главный художник МШС

МАДПР (Москва, СССР)

РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА,

писатель (Мексика)

Коллегия:

БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,

заместитель главного

редактора

АРТЕМ БОРОВИК,

обозреватель

ТРИСТАН ДЕЛ,

собственный корреспондент

(США)

ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ,

обозреватель

ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ,

обозреватель

ИШТВАН НЕМЕТ;

собственный корреспондент

(Венгрия)

МИЛАН ЧОЛИЧ,

собственный корреспондент

(Югославия)

Формирование номера

ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА

и МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА

Технический редактор

ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ

Корректор

ТАТЬЯНА БУЧА

В очередных номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Рожественская проповедь отца АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Эхо одного судебного процесса. Рассказ ленинградского ученого

Отрывок из книги АРТЕМА БОРОВИКА «Спрятанная война»

Московский штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар 4, АПН
Московский штаб-квартира
«МАДПР»

Биюлетень «Современно»
секретно

Тел. 201-44 16, 291-99 82

Тел. 41 1323 Факс 2302170

Подписано к печати 22.11 89